

БЕСТСЕЛЛЕР ПО ВЕРСИИ «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»,
НОМИНАНТ НА ПРЕМИИ «ЭНТОНИ» И «БАРРИ», ЛУЧШАЯ КНИГА 2017 ГОДА
ПО ВЕРСИИ «АМАЗОНА», «ЭСКВАЙРА» И «ВАШИНГТОН ПОСТ»!

ЭНТОНИ ГОРОВИЦ

СОРОКИ- УБИЙЦЫ

Великолепно написано — яркие характеры подозреваемых,
идеальное чувство времени и громкий финал!

The Spectator

The Big Book

Энтони Горовиц
Сороки-убийцы

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Горовиц Э.

Сороки-убийцы / Э. Горовиц — «Азбука-Аттикус», 2016 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-20239-9

Арабская принцесса и американский программист. Казалось бы эти две вселенные никогда не должны были соприкоснуться, но Коулман Мердер решил, что именно с ним Анджелина Саадат обретёт вожаденную свободу и станет для него спасением от разрушительной тьмы. Вот только он забыл спросить, чего хочет сама принцесса и готова ли она шагнуть за любимым мужчиной через разъединяющую их миры черту по дороге, усыпанной стёклами от разбитых иллюзий

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20239-9

© Горовиц Э., 2016
© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

Крауч-Энд, Лондон	6
Алан Конвей	8
Об авторе	9
Часть I	11
Часть II	31
Часть III	52
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Энтони Горовиц Сороки-убийцы

Крауч-Энд, Лондон

Бутылка вина. Семейная упаковка начос из тортильи со вкусом сыра и баночка острого соуса сальса. Пачка сигарет под рукой – каюсь, каюсь! Капли дождя, барабаниющие по окну. И книга.

Ну что может быть лучше?

«Английские сорочки убийства» были девятой частью любимой и популярной во всем мире детективной серии про Аттикуса Пюнда. Когда тем дождливым августовским вечером я впервые открыла эту книгу, она существовала только в виде распечатанной на принтере рукописи, и моей задачей было отредактировать ее перед изданием. Но прежде всего я собиралась насладиться ею. Помнится, едва войдя в дверь, я направилась на кухню, вынула из холодильника вкусняшки и положила их на поднос. Потом разделась, разбросав где попало вещи. В квартире все равно царил бардак. Я приняла душ, вытерлась и нырнула в просторную футболку с Мэйзи Маус, которую мне подарили на книжной ярмарке в Болонье. Час был слишком ранний, чтобы ложиться, но я плюхнулась на кровать, неубранную еще с прошлой ночи. Обычно для меня это не характерно, но мой бойфренд уехал на шесть недель, а оставаясь в одиночестве, я сознательно понижаю стандарты. В неразберихе определенно есть что-то успокаивающее, тем более когда рядом нет никого, кто на нее сетует.

Вообще-то, мне жутко не нравится это слово – «бойфренд». Особенно в отношении мужчины пятидесяти двух лет, дважды разведенного. Беда в том, что в английском языке не подыскать толковой замены. Сожителем Андреаса не назовешь – для этого мы слишком редко встречаемся. Любовник? Моя вторая половина? По различным причинам оба определения заставляют меня поморщиться. Он приехал с Крита. Андреас преподавал древнегреческий в Вестминстерской школе и снимал квартиру в Мейда-Вейл, неподалеку от меня. Мы поговаривали о том, чтобы съехаться, но опасались, что это станет концом наших отношений, поэтому, хотя в моем гардеробе было полно вещей Андреаса, его самого рядом со мной частенько не доставало. Так было и в тот раз. Андреас уехал на время школьных каникул, чтобы побыть с семьей. Его родители, вдовья бабушка, двое несовершеннолетних сыновей и брат бывшей жены жили в одном доме, образуя запутанный клубок родственных связей, который грекам, похоже, по вкусу. Вернуться он должен был не раньше вторника, накануне начала занятий, и увидеться мы могли только в следующие выходные.

Так что я жила сама по себе в своей квартире в Крауч-Энде, размещавшейся в цокольном этаже викторианского дома на Клифтон-роуд, минутах в пятнадцать ходьбы от станции метро «Хайгейт». Наверное, это было самое разумное из моих приобретений. Мне нравилось жить там. Там было тихо и уютно, нам на двоих с хореографом со второго этажа принадлежал садик, но моя соседка почти не появлялась в нем. У меня, понятное дело, было слишком много книг. Каждый дюйм на полках был занят. Книги лежали поверх других книг. Сами полки прогибались под их весом. Вторую спальню я переоборудовала под кабинет, хотя старалась не работать дома. Им чаще пользовался Андреас, когда жил у меня.

Я откупорила вино. Отвинтила крышку с сальсы. Закурила сигарету. И начала читать книгу, как это делаете сейчас вы. Но прежде чем вы приступите, я обязана вас предупредить.

Эта книга изменила мою жизнь.

Вероятно, вам и прежде доводилось встречать подобное утверждение. Со стыдом говорю, что поместила это признание на обложку моего первого романа, весьма посредственного триллера про Вторую мировую войну. Кто-то, не помню, кто именно, сказал, что книга способна изменить вашу жизнь только одним способом – свалившись вам на голову. Никогда не забуду, как совсем еще девочкой я читала сестер Бронте и влюбилась в их мир: мелодрама, живописные пейзажи, очарование готики и тому подобное. Вы вправе решить, что увлечение «Джен Эйр»

и подтолкнуло меня к издательской деятельности, но в свете случившегося в этом угадывается некая ирония. Есть немало книг, глубоко меня затронувших: «Не отпускай меня» Исигуро¹, «Искушение» Макьюэна². Говорят, что под воздействием феномена Гарри Поттера дети буквально хлынули в школы-пансионы. Бесспорный факт, что есть книги, оказывающие огромное влияние на наше мировоззрение. «Любовник леди Чаттерлей» – один очевидный тому пример, «1984» – другой. Но мне кажется, едва ли имеет значение, что именно мы читаем. Наша жизнь катится по проложенным с самого начала рельсам. Художественная литература способна лишь на миг приоткрыть нам альтернативу. Возможно, из-за этого мы ее так любим.

Но «Английские сороки убийства» в самом деле изменили для меня все. Я больше не живу в Крауч-Энде. Я оставила работу. Растеряла большинство друзей. Тем вечером, перевернув первую страницу распечатки рукописи, я понятия не имела, что отправляюсь в плавание. И честно признаться, если бы знала об этом, то едва ли согласилась подняться на борт. Это мерзавец Алан Конвей виноват во всем. Я с первого взгляда прониклась к нему неприязнью, хотя, странное дело, мне всегда нравились его книги. Как по мне, так нет ничего лучше хорошего детектива: крутые повороты и загадки, подсказки и ложные улики и, наконец, облегчение, когда все разъясняется, причем таким образом, что ты кусаешь себе локти – ну как можно было не заметить разгадки с самого начала?

Начиная читать, я примерно этого и ожидала. Однако «Английские сороки убийства» оказались не такими. Совсем не такими.

Надеюсь, мне нет нужды снова это повторять. В отличие от меня, вы предупреждены.

¹ Кадзуо Исигуро (р. 1954) – английский писатель японского происхождения, лауреат Нобелевской премии по литературе 2017 года. – *Здесь и далее, если особо не оговорено, примеч. перев.*

² Энн Макьюэн (р. 1948) – английский писатель, сценарист и драматург, лауреат премии Сомерсета Моэма, Букеровской премии и других наград.

Алан Конвей
Английские сорочьи убийства

Расследование Аттикуса Пюнда

Об авторе

Алан Конвей родился в Ипсуиче, окончил школу в Вудбридже, затем с отличием Университет Лидса по специальности «английская литература». Позже поступил возрастным студентом в Университет Восточной Англии, чтобы изучать писательское мастерство. Следующие шесть лет Конвей работал учителем, пока в 1995 году его роман «Аттикус Пюнд расследует» не добился успеха. Книга двадцать восемь недель продержалась в списке бестселлеров «Санди таймс» и удостоилась премии «Золотой кинжал», присуждаемой Ассоциацией писателей детективного жанра за лучший детектив года. С тех пор во всем мире продано восемнадцать миллионов экземпляров книг про Аттикуса Пюнда, они переведены на тридцать пять языков. В 2012 году Алан Конвей был удостоен ордена Британской империи за вклад в литературу. Он имеет ребенка от первого брака и проживает во Фрамлингеме в Суффолке.

Книги серии «Аттикус Пюнд»:

«Аттикус Пюнд расследует»
«Нет покоя нечестивым»
«Аттикус Пюнд берется за дело»
«Гость приходит ночью»
«Рождество Аттикуса Пюнда»
«Аперитив с цианидом»
«Маки для Аттикуса»
«Мистер Пюнд за границей»

Отзывы о книгах Алана Конвея об Аттикусе Пюнде

Все, чего вы ждете от английского детектива. Стильно, умно и непредсказуемо.

«Индепендент»

Смотри в оба, Эркюль Пуаро! В городе объявился умник-коротышка из-за границы, и он уже наступает тебе на пятки.

«Дейли мейл»

Я поклонник Аттикуса Пюнда. Он возвращает нас в золотой век детективной литературы и напоминает о том, с чего все началось.

Иэн Рэнкин³

Шерлок Холмс, лорд Питер Уимзи, отец Браун, Филип Марлоу, Пуаро... чтобы перечесть всех великих сыщиков достаточно, наверное, пальцев одной руки. Что ж, для Аттикуса Пюнда вам понадобится лишний палец!

«Айриш индепендент»

Для отличной детективной истории нужен отличный сыщик, и Аттикус Пюнд – достойное пополнение в их рядах.

«Йоркшир пост»

³ *Иэн Рэнкин* (р. 1960) – шотландский писатель, автор романов и рассказов детективного жанра; наиболее известен цикл произведений об инспекторе Джоне Ребусе; часть произведений опубликовал под псевдонимом Джек Харви.

У Германии появился новый посол. А у преступления – его величайший противник.

«Дер Тагесшпигель»

Алан Конвей явно общается с вселившимся в него духом Агаты Кристи. И я желаю ему удачи. Мне нравится то, что он делает.

Роберт Харрис

Он наполовину грек, наполовину немец, но прав всегда на сто процентов. Как его зовут? Пюнд. Аттикус Пюнд.

«Дейли экспресс»

СКОРО В МАСШТАБНОМ ТЕЛЕВИЗИОННОМ СЕРИАЛЕ ОТ БИ-БИ-СИ-1!

Часть I Печаль

1

23 июля 1955 года

Предстояли похороны.

Два могильщика, старый Джефф Уивер и его сын Адам, встали спозаранку и обо всем позаботились. Могила была в точности нужного размера, земля аккуратно ссыпана на одну сторону. Церковь Святого Ботольфа в Саксби-на-Эйвоне никогда не выглядела прекраснее, утреннее солнце играло в витражах окон. Церковь вела свою историю с двенадцатого века, но, разумеется, не единожды перестраивалась. Свежая могила располагалась к востоку, близ развалин древнего алтаря, где буйно разрослась трава, а меж обрушившихся арок цвели ромашки и одуванчики.

В самой деревне царила тишина, улицы были пустынные. Молочник уже закончил развозку и исчез, позвякивая бутылками в кузове фургона. Разносчики почты завершили обход. Была суббота, так что на работу никто не торопился, а час был слишком ранний, чтобы домохозяева занялись обычной рутинной выходного дня. В девять открывался деревенский магазин. От расположенной по соседству пекарни уже тянулся аромат только что вынутого из печи хлеба. Вскоре появятся первые покупатели. А едва закончится завтрак, заведет свою песню хор газонокосильщиков. Стоял июль, самый хлопотливый месяц для неутомимой армии обитающих в Саксби-на-Эйвоне садоводов, и в свете грядущей всего через месяц Ярмарки урожая уже шла подрезка роз, а кабачки тщательно обмерялись. В половине второго на деревенской лужайке должен был состояться матч по крикету. Приедет фургончик с мороженым, для детей организуют игры, гости будут устраивать пикники перед своими машинами. Заработает кафе. Идеальный английский летний день.

Но не в этот раз. Впечатление создавалось такое, будто деревня почтительно затаила дыхание, ожидая, когда гроб отправится в путешествие из Бата. В данный момент его грузили на катафалк в присутствии торжественно-мрачных сопровождающих: пяти мужчин и одной женщины, старательно отводивших глаза друг от друга, словно неуверенных, куда им следует смотреть. Из мужчин четверо были профессиональными организаторами похорон из высокоуважаемой фирмы «Ланнер и Крейн». Компания эта существовала с викторианских времен, когда занималась по преимуществу строительными подрядами и деревообработкой. В те дни гробы и погребения были почти неприметным, побочным бизнесом. Но по иронии судьбы именно это направление выжило. «Ланнер и Крейн» уже не строили домов, зато их имя стало олицетворением достойных похорон. Сегдневная церемония была в высшей степени скромной. Катафалк представлял собой автомобиль, никаких вороных коней или пышных гирлянд. Сам гроб, хотя и добротной работы, сделан был, без всякого сомнения, из древесины дешевых сортов. На единственной табличке, скорее посеребренной, чем серебряной, значилось имя усопшей и две главные даты:

Мэри Элизабет Блэкистон

5 апреля 1887 – 15 июля 1955

Жизнь этой женщины не была такой уж короткой, она захватила рубеж двух столетий, но оборвалась довольно внезапно. Отложенных Мэри на похороны денег не хватило даже на

покрытие всех расходов, но это не имело значения, поскольку страховщики гасили разницу, и покойная была бы довольна, если бы увидела, что все происходит в соответствии с ее желанием.

Катафалк выехал точно вовремя, отправившись в восьмимильное путешествие, когда минутная стрелка указала на тридцать минут десятого. Двигаясь подобающим случаю неспешным аллюром, экипаж должен был прибыть на церковный двор в час. Будь у фирмы «Ланнер и Крейн» слоган, он гласил бы: «Никогда не опаздывать». И хотя двое едущих с гробом плакальщика и не замечали того, но более прелестный ландшафт трудно было себе представить: поля по ту сторону низкой каменной стены полого спускались к реке Эйвон, с которой им всю дорогу было по пути.

На кладбище у церкви Святого Ботольфа два могильщика озирали труды рук своих. Много слов можно найти о похоронах: глубоких, прочувствованных, философских. Но нельзя выразиться точнее, чем это сделал Джефф Уивер, когда, опершись на лопату и сворачивая мозолистыми пальцами самокрутку, обратился к сыну.

– Если уж соберешься помереть, – произнес он, – то более подходящего дня и представить трудно.

2

Сидя за кухонным столом в доме викария, преподобный Робин Осборн завершал приготовления к погребальной речи. Перед ним на столе лежали шесть страниц, отпечатанных на машинке, но уже пестрящих поправками, сделанными его угловатым почерком. Слишком длинно? На днях кое-кто из паствы сетовал, что его проповеди бывают затянуты, и даже епископ выказал признаки нетерпения во время обращения преподобного в день Пятидесятницы. Но в этот раз дело другое. Миссис Блэкистон всю жизнь прожила в деревне. Все ее знали. И наверняка готовы пожертвовать полчаса, а то и сорок минут, чтобы попрощаться с ней.

Кухня была просторной и светлой, плита фирмы «Ага» круглый год источала приятное тепло. На крючках были развешаны кастрюли и сковородки, здесь же хранились горшочки со свежими и засушенными растениями. Собраны они были Осборнами лично. Этажом выше располагались две спальни, обе непритязательные и уютные, с пушистыми коврами, вручную вышитыми подушечками и новомодными световыми окошками в потолке, добавленными только после долгих консультаций с церковными властями. Но главным достоинством дома священника было его расположение: он стоял на краю деревни и смотрел на лесистую местность, известную тут как Дингл-Делл. Она включала луг, покрытый весной и летом цветами, дальше простиралась полоса собственно леса, за деревьями которого – по большей части то были дубы и вязы – скрывалась усадьба Пай-Холл: озеро, газоны и сам дом. Каждое утро Робин Осборн просыпался и любовался на вид, не перестававший приносить ему радость. Иногда ему казалось, что он живет в волшебной сказке.

Резиденция викария не всегда была такой. Когда Осборны вместе с приходом унаследовали от дряхлого священника Монтегю дом, тот весьма подходил под описание жилища старого холостяка, будучи сырым и негостеприимным. Но Генриетта Осборн сразу пустила в ход свои магические способности. Она выбросила всю мебель, которую сочла некрасивой или неудобной, и прочесала все комиссионные магазины в Уилтшире и в Эйвоне в поисках подходящей замены. Ее энергия не переставала изумлять преподобного. Уже тот факт, что Генриетта согласилась выйти за приходского священника, вызывал удивление, но она еще и принялась исполнять свои обязанности с рвением, снискавшим ей уважение с самого их приезда. Нигде эта пара не могла обрести большего счастья, чем в Саксби-на-Эйвоне. Да, храм требовал ремонта. Отопление то и дело выходило из строя. Крыша опять протекла. Но паства была достаточно большой, чтобы удовлетворить даже епископа, а многих из верующих Осборны считали теперь своими друзьями. У них и в мыслях не было перебираться куда-то еще.

«Она была частью деревни. И хотя мы собрались здесь сегодня, чтобы проводить ее в последний путь, нам следует помнить о том, что оставила она после себя. Мэри делала Саксби-на-Эйвоне местом более приятным для всех, украшая ли цветами эту самую церковь каждое воскресенье, навещая престарелых здесь или в Эштон-Хаусе, собирая пожертвования для Королевского общества защиты птиц или привечая посетителей Пай-Холла. Ее домашней выпечки пироги неизменно были украшением деревенского праздника, и, признаюсь вам, она не раз оставляла в моей ризнице приятный презент в виде миндального пирожного или куска викторианского бисквита».

Осборн попытался вызвать в памяти образ женщины, большую часть своей трудовой жизни проведенной экономкой в Пай-Холле. Низенькая, темноволосая, решительная, она всегда находилась в движении, как будто вела свой личный крестовый поход. Его воспоминания о ней были несколько расплывчатыми, поскольку, если честно признать, им крайне редко приходилось проводить время в одной комнате. Иногда они встречались на каком-нибудь общественном мероприятии, но не часто. Обитатели Саксби-на-Эйвоне не были в прямом смысле слова снобами, но в то же время не забывали о сословных различиях, и если викарий считался подходящим членом любой компании, эта привилегия не распространялась на особу, которая в конце дня должна была выполнять роль уборщицы. Вероятно, Мэри осознавала сей факт. Даже в церкви она старалась сесть на скамью в самых последних рядах. Предлагая помощь людям, она делала это с какой-то чрезмерной почтительностью, словно то была ее обязанность.

А может, все обстояло куда проще? Думая о Мэри и перечитывая текст, преподобный нашел, как описать ее одним словом. Назойливая. Несправедливо и неуместно было произносить его вслух, но Осборн вынужден был признать, что доля истины в этом есть. Мэри была из тех женщин, которые суют пальчик в любой пирог, включая яблочный и ежевичный, и ставила перед собой цель поддерживать знакомство со всеми в деревне. Каким-то образом ей всегда удавалось оказаться там, где в ней нуждались. Проблема заключалась в том, что она оказывалась и там, где такой необходимости не было.

Осборну вспомнилось, как он застал ее в этой самой комнате не далее как две недели назад. Он злился на себя, поскольку этого следовало ожидать. Генриетта постоянно жаловалась, что он не запирает входную дверь, как если бы дом викария являлся всего лишь пристройкой к церкви, а не частным жилищем. Стоило прислушаться к жене. Мэри стояла, держа в руке бутылочку с зеленой жидкостью, словно некий средневековый талисман для отпугивания демонов.

– Доброе утро, викарий! – произнесла женщина. – Слышала, что вам досаждают осы. Я принесла мятное масло, оно поможет избавиться от них. Моя матушка в этом средстве души не чаяла!

Это было правдой – в доме водились осы. Но откуда Мэри про это узнала? Осборн не говорил никому, кроме Генриетты, а уж та точно не стала бы болтать. Впрочем, трудно что-либо утаить в таком мирке, как Саксби-на-Эйвоне. Каким-то неисповедимым образом тут все знают все обо всех, и есть поговорка: чихни у себя в ванной, и кто-то тут же протянет тебе носовой платок.

Увидев ее тогда, Осборн не знал, стоит ли ему благодарить или злиться. Он пробормотал «спасибо», но одновременно скосил глаза на кухонный стол. И точно, они были там, лежали среди кипы его бумаг. Сколько она пробыла в комнате? Заметила их? Мэри ничего не сказала, а ему, естественно, не с руки было спрашивать. Он как можно скорее выпроводил ее, и эта их встреча оказалась последней. Когда Мэри умерла, Робин и Генриетта находились в отпуске и вернулись к самым ее похоронам.

Услышав шаги, викарий поднял голову и увидел Генриетту. Она только что вышла из душа и еще не успела надеть банный халат. В свои почти пятьдесят она оставалась очень привлекательной женщиной с водопадом каштановых волос и фигурой, которую каталоги модных

товаров характеризуют как «пышная». Генриетта происходила совсем из другого мира – она была младшей дочерью богатого фермера, владельца тысячи акров земли в Западном Суссексе. И тем не менее, встретившись в Лондоне, на лекции в Уигмор-холле, молодые люди с первого взгляда прониклись взаимной симпатией. Они поженились без согласия родителей и с тех пор жили душа в душу. Единственным сожалением было то, что брак их не был благословлен детьми, но на то, разумеется, была Божья воля, и им пришлось принять ее. Эти двое были счастливы просто оттого, что они есть друг у друга.

– Думала, ты уже закончил, – сказала Генриетта, доставая из буфета мед и масло. Потом отрезала себе ломтик хлеба.

– Просто добавляю пару мыслей, пришедших в последний момент в голову.

– Ну, Робин, на твоём месте я бы не стала разглагольствовать. Сегодня суббота как-никак, и всем хочется поскорее освободиться.

– После мы собираемся в «Гербе королевы». В одиннадцать.

– Чудесно. – Генриетта поставила тарелку с завтраком на стол и плюхнулась на стул. – Сэр Магнус ответил на твоё письмо?

– Нет. Но я уверен, что он придет.

– Что ж, он явно не торопится. – Женщина наклонилась и пробежала взглядом по страницам. – Ты не можешь сказать так.

– Как?

– «Была жизнью и душой любого общества».

– Почему?

– Потому что это неправда. Если начистоту, я всегда находила Мэри очень скрытной, застегнутой на все пуговицы. Общаться с ней было совсем не просто.

– Она выглядела даже веселой, когда была у нас на минувшее Рождество.

– Присоединилась к хоралу, если ты это имел в виду. Но что на самом деле у нее на уме, никто не знал. Не могу сказать, что она мне нравилась.

– Не стоит так говорить о ней, Хен. И уж точно не сегодня.

– Не вижу к тому причины. Ох уж мне эти похороны – сущее лицемерие! Все твердят, каким замечательным был покойник, каким добрым и щедрым, но в глубине души знают, что это не так. Я никогда не испытывала симпатии к Мэри Блэкистон и не намерена теперь петь ей дифирамбы только из-за того, что она удосужилась свалиться с лестницы и сломать шею.

– Ты ведешь себя немилосердно.

– Я просто честна, Робби. И знаю, что ты полностью со мной согласен, даже если пытаешься убедить себя в обратном. Но не переживай: обещаю не опозорить тебя перед лицом плакальщиц. – Женщина состроила гримасу. – Ну, достаточно скорбное выражение?

– Не лучше ли тебе подготовиться?

– Все уже лежит наверху. Черное платье, черная шляпка, черный жемчуг. – Генриетта вздохнула. – Когда я умру, пусть меня не одевают в черное. Это так уныло. Дай мне слово. Я хочу, чтобы меня похоронили в розовом с большим букетом бегоний в руках.

– Ты не умрешь. Это случится не скоро. А теперь ступай наверх и оденься.

– Ну хорошо-хорошо, грубиян ты этакый!

Она склонилась над ним, и ее груди, теплые и мягкие, прижались к его шее. Поцеловав мужа в щеку, Генриетта поспешно вышла, оставив на столе завтрак. Возвращаясь к тексту речи, Робин Осборн улыбнулся про себя. Возможно, жена права и следует выбросить пару страниц. Он еще раз перечитал написанное.

«Жизнь у Мэри Блэкистон была непростая. Вскоре после переезда в Саксби-на-Эйвоне ей довелось пережить личную трагедию, и горе вполне могло поглотить ее. Но она не сдалась. Она была из тех женщин, что любят жизнь и не позволяют судьбе взять над ними верх. И

теперь, когда тело ее упокоится рядом с сыном, которого она так любила и так трагически лишилась, мы можем черпать толику утешения в мысли, что теперь они наконец вместе».

Этот абзац Робин Осборн перечитал дважды. И снова вспомнил Мэри стоящей здесь, в этой самой комнате, прямо перед столом.

«Слышала, что вам досаждают осы».

Заметила ли она их? Знала ли?

Солнце, должно быть, спряталось за облако, потому что по лицу священника внезапно пробежала тень. Он протянул руку, вырвал целый лист и, разорвав его в клочья, бросил в мусорную корзину.

3

Доктор Эмилия Редвинг проснулась рано. Целый час она провалялась в постели, пытаясь убедить себя, что еще сумеет заснуть, потом встала, накинула халат и приготовила чашку чая. Так и оставшись сидеть на кухне, она наблюдала, как солнце поднимается над ее садом и расположенными позади него развалинами Саксби-Касл, замка постройки тринадцатого века. Замок привлекал сотни любителей истории, но всякий раз после полудня заслонял солнце, отбрасывая длинную тень на усадьбу. Стрелки часов едва миновали половину девятого. Вскоре принесут газеты. На столе перед Эмилией лежало несколько медицинских карт пациентов, и она занялась ими, отчасти чтобы отвлечься от мыслей о предстоящем дне. По утрам в субботу лечебница, как правило, работала, но сегодня по причине похорон останется закрытой. Ну что же, хорошая возможность разобраться с бумажными делами.

В деревнях вроде Саксби-на-Эйвоне особо серьезных медицинских случаев не бывает. Если что и уносило жизни ее обитателей, так это преклонный возраст, а с этим доктор Редвинг поделаться ничего не могла. Просматривая карты, она усталым глазом скользила по названиям разных хворей, с которыми пришлось недавно столкнуться. Мисс Доттерел, помогавшая в магазине, встала после того, как провела пять дней в кровати с корью. Девятилетний Билли Уивер слег с жестоким приступом коклюша, но уже шел на поправку. Его дед, Джефф Уивер, уже много лет страдал артритом, но ему не становилось ни лучше, ни хуже. Джонни Уайтхед порезал руку. Генриетта Осборн, жена викария, ухитрилась наступить на куст ядовитого паслена, атрора belladonna, и каким-то образом обожгла всю ногу. Ей прописали неделю постельного режима и обильное питье. За исключением этих случаев, теплое лето благотворно сказывалось на здоровье всех жителей.

Нет, не всех. Один человек умер.

Отодвинув медицинские карточки в сторону, доктор Редвинг подошла к плите и принялась готовить завтрак для себя и для мужа. Она уже слышала, как Артур ходит наверх, потом до нее донеслись скрежет и гул, сопровождавшие водные процедуры. Канализационная система в доме имела за плечами по меньшей мере лет пятьдесят стажа и громко жаловалась всякий раз, когда ее заставляли работать, но кое-как справлялась. Супруг скоро спустится. Эмилия нарезала хлеб для тостов, налила в кастрюльку воды, поставила на плиту, достала молоко и хлопья.

Артур и Эмилия Редвинг были женаты тридцать лет. Этот брак оказался успешным и счастливым, подумала она, даже если дела пошли не совсем так, как они надеялись. Начать хотя бы с Себастьяна, их единственного сына. Ему исполнилось двадцать четыре, и он жил со своими приятелями-битниками в Лондоне. Как мог он стать таким разочарованием? И в какой именно момент сын обернулся против них? Родители не слышали о нем уже несколько месяцев и даже не знали, жив он или умер. Потом сам Артур. Он начал с карьеры архитектора, причем блестящей. Ему вручили медаль Слоуна Королевского института британских архитекторов за проект, разработанный в художественном училище. Артур поработал над строитель-

ством нескольких зданий, возведенных сразу после войны. Но истинным его влечением была живопись, особенно портреты маслом, и десять лет назад он оставил архитектуру, став профессиональным художником. И сделал это с полного одобрения Эмилии.

Одна из работ Артура висела в кухне, на стене рядом с буфетом, и доктор Редвинг посмотрела на картину. Это был ее собственный портрет, написанный десять лет назад. Глядя на него, она всегда улыбалась, вспоминая долгое молчание, в каком сидела, позируя для мужа в окружении полевых цветов. За работой супруг никогда не разговаривал. Понадобилось около дюжины сеансов тем долгим жарким летом, и Артура каким-то образом удалось передать нависающее к исходу дня марево и аромат лугов. Эмилия была в длинном платье и в соломенной шляпке – прямо Ван Гог женского пола, шутила она. Наверное, намек на стиль этого великого художника угадывался в ярких красках и грубоватых мазках. Красавицей Эмилию назвать было нельзя, она это знала. Слишком суровое лицо, широкие плечи и темные волосы делали ее мужеподобной. В ее поведении было что-то от учительницы или гувернантки. Люди находили доктора слишком официальной в общении. Но Артур сумел найти в ней нечто прекрасное. Если бы эта картина висела в лондонской галерее, никто не прошел бы мимо, не задержавшись взглядом.

Но картина была не в музее, а здесь. Ни одна из лондонских галерей не проявила интереса к работам Артура. Эмилия отказывалась это понять. Вдвоем они посетили летнюю выставку в Королевской академии и видели работы Джеймса Ганна и сэра Альфреда Маннингса. Был там и вызвавший противоречивые отклики портрет королевы пера Саймона Элвеса. Все они выглядели такими обыкновенными и скучными по сравнению с картинами ее мужа.

Почему же все отказывается признавать Артура Редвинга гением, каким он, без всякого сомнения, является?

Эмилия взяла три яйца и осторожно опустила в кастрюльку: два для него, одно для себя. На одном из них скорлупа лопнула от соприкосновения с кипящей водой, и у нее промелькнула вдруг мысль о черепе Мэри Блэкстон, расколовшемся при падении. Ей никак не удавалось прогнать эту картину из головы. До сих пор доктор вздрагивала, вспоминая об увиденном, и никак не могла понять почему. Ведь доктору не в первый раз приходилось видеть мертвое тело, а работая в Лондоне во время самых тяжелых дней Блица⁴, она лечила людей с жуткими ранами. Так чем отличается этот случай?

Возможно, причина в том, что они были близки. Верно, что у доктора и экономки крайне мало общего, но, вопреки всему, они были друзьями. Началось все с того времени, как миссис Блэкстон стала ее пациенткой. У Мэри проявился опоясывающий лишай, она промучилась месяц, и доктора Редвинг впечатлили ее выдержка и здравый смысл. С тех пор Эмилия стала часто делиться с Мэри своими проблемами – просто чтобы поплакаться ей в жилетку. Разумеется, доктор свято хранила врачебную тайну, но, если что-то ее тяготило, она всегда могла рассчитывать, что Мэри внимательно ее выслушает и даст разумный совет. И тут вдруг ни с того ни с сего все закончилось: примерно неделю тому назад самое заурядное утро нарушил телефонный звонок Брента, смотрителя парка в Пай-Холле.

– Доктор Редвинг, вы можете прийти? Тут миссис Блэкстон. Она у подножия лестницы в большом доме. Лежит там. Думаю, она упала.

– Она шевелится?

– Да нет вроде.

– Вы сейчас с ней?

– Я не могу войти – все двери закрыты.

Бренту было за двадцать. Это был сутулый молодой человек с грязью под ногтями и с выражением угрюмого безразличия в глазах. Он ухаживал за лужайками и клумбами и по вре-

⁴ Блиц – кампания стратегической бомбардировки Великобритании во время Второй мировой войны.

менам гонял незаконно проникших на территорию, в точности как прежде его отец. Земли Пай-Холла сзади выходили к озеру, и летом дети любили там купаться, но только если Брента не было поблизости. Он был холост, жил один в доме, принадлежавшем раньше его родителям. В деревне его недолюбливали, считали, что этот малый себе на уме. Правда заключалась в том, что Брент не получил образования и, возможно, страдал легкой формой аутизма, но деревенская молва всегда норовит по-своему заполнить пробелы. Доктор Редвинг велела ему ждать ее у парадного входа, захватила кое-какие врачебные принадлежности, дала Джой, выполняющей при ней роль медсестры и администратора, наказ отправлять прочь новых пациентов, и поспешила к машине.

Пай-Холл находился на противоположной стороне Дингл-Делла, в пятнадцати минутах ходьбы и всего в пяти минутах езды. Он стоял там все время, сколько существовала деревня, и, даже представляя собой мешанину архитектурных стилей, бесспорно оставался самым примечательным домом в округе. Начав существование как женский монастырь, в шестнадцатом веке Пай-Холл был переоборудован в частную резиденцию и с тех пор с каждым столетием приходил в упадок. Сохранилось от него только продолговатое крыло с восьмиугольной башней – ее значительно позже возвели в дальнем конце. Окна по большей части были елизаветинские, вытянутые и решетчатые, но имелись и густо увитые плющом дополнения из георгианской и викторианской эпохи, как бы извинявшиеся за небрежение к старине. За зданием располагался двор и развалины строения, видимо монастырского. Отдельно стоящая конюшня использовалась теперь как гараж.

Но главной достопримечательностью усадьбы была планировка. Ворота с двумя каменными грифонами отмечали въезд, далее гравийная дорожка шла мимо гостевого дома, Лодж-хауса, где жила Мэри Блэкистон, затем описывала грациозный, точно лебединая шея, поворот среди газонов к парадным дверям с готической аркой. Здесь имелись цветочные клумбы, пестрые, как мазки краски на палитре художника, в обрамлении искусно обрезанного кустарника, и розарий, в котором, как утверждали, произрастало более ста сортов роз. Лужайки простирались далее до самого озера, с Дингл-Деллом на противоположной стороне. Усадьба вообще была со всех сторон окружена вековым лесом, отрезавшим ее от современного мира и по весне синим от цветущих пролесок. Гравий захрустел под колесами, когда доктор Редвинг остановилась и увидела Брента, который дожидался ее, нервно теребя кепку в руках. Она вышла, захватив медицинскую сумку, и зашагала за ним.

– Признаки жизни есть? – спросила Эмилия.

– Я не смотрел, – промямлил Брент.

Редвинг удивилась: неужели он даже не попытался помочь бедной женщине?

Прочитав ее мысли по лицу, молодой человек поспешил добавить:

– Я ведь уже говорил, что не мог войти.

– Парадная дверь заперта?

– Да, мэм. И дверь в кухню тоже.

– А ключей у вас нет?

– Нет, мэм. Я в дом не хожу.

Доктор Редвинг с досадой тряхнула головой. За то время, пока она сюда добиралась, Брент мог бы попытаться сделать хоть что-то: допустить, раздобыть лестницу и влезть в окно наверху.

– Если вы не могли попасть внутрь, то откуда звонили мне? – спросила доктор. Это не имело значения, просто ей стало интересно.

– В конюшне есть телефон.

– Ладно. Лучше покажите мне, где она.

– Можете через окно посмотреть...

Окно, о котором шла речь, располагалось на углу дома, в одной из более современных пристроек. Через него открывался вид сбоку на холл с широкой лестницей, ведущей на второй этаж. И действительно, у ее подножия была Мэри Блэкистон. Она лежала, распростершись, на ковре, одна рука вытянута вперед, частично закрывая голову. С первого же взгляда у Редвинг почти не осталось сомнений, что женщина мертва. Она каким-то образом упала с лестницы и свернула шею. Разумеется, Мэри не шевелилась. Но было еще кое-что – поза, в которой лежало тело, тоже казалась неестественной. Похоже на сломанную куклу. Эмилиии доводилось видеть такое в книгах по медицине.

Об этом говорил инстинкт. Но видимость бывает обманчива...

– Нам необходимо войти, – сказала доктор Редвинг. – Парадная и кухонная дверь заперты, но должен же быть другой путь.

– Можно попробовать через обувную комнату.

– Где это?

– Нужно только пройти чуть подальше.

Брент подвел ее к следующей двери по задней стене. Она была со стеклянными панелями, и хотя тоже была заперта, Эмилия разглядела связку ключей, торчащую из замка на противоположной стороне.

– Это чьи? – спросила она.

– Ее, наверное.

Доктор Редвинг приняла решение:

– Нам нужно разбить стекло.

– Не думаю, что сэру Магнусу это понравится, – буркнул Брент.

– Если сэр Магнус будет недоволен, пусть спрашивает с меня. Так вы это сделаете или придется мне?

Смотритель не обрадовался, но нашел камень и разбил одну из панелей. Потом просунул в дыру руку и повернул ключ. Дверь открылась, они вошли.

Дождаясь, пока сварятся яйца, доктор Редвинг во всех деталях вспоминала представшую перед ней сцену. Она отпечаталась у нее в мозгу, словно фотография.

Пройдя через обувную и по коридору, они попали напрямик в главный холл, с лестницей, ведущей на площадку с балюстрадой. Их окружали темные деревянные панели. На стенах висели картины маслом и охотничьи трофеи: птицы в стеклянных ящиках, голова оленя, здоровая рыбина. У ведущей в гостиную двери стояли доспехи, дополненные мечом и щитом. Длинный и узкий проход вел от парадной двери к лестнице, расположенной точно посередине холла. С одной стороны находился каменный очаг, достаточно большой, чтобы в него можно было войти. С другой стороны стояли два кожаных кресла и антикварный столик с телефоном. Пол был из каменной плитки, частично покрыт персидским ковром. Ступени тоже были из камня, посередине шла бордовая ковровая дорожка. Если Мэри Блэкистон споткнулась и скатилась с лестничной площадки, ее смерть легко объяснить. Тут не было практически ничего, способного смягчить удар.

Пока Брент нервно топтался у двери, Эмилия осмотрела тело. Оно еще не остыло, но пульс не прощупывался. Доктор Редвинг отбросила с лица Мэри прядь темных волос, стали видны карие глаза, направленные на очаг. Она бережно закрыла их. Миссис Блэкистон всегда торопилась, мелькнула у нее неизбежная мысль. Мэри буквально слетала вниз по ступенькам, и спешка довела ее до могилы.

– Нужно вызвать полицию, – сказала доктор.

– Что? – удивился Брент. – Разве кто-то причинил ей вред?

– Нет. Конечно нет. Это несчастный случай. Но мы обязаны сообщить о нем.

Это был несчастный случай. Не надо быть сыщиком, чтобы выяснить этот факт. Экономка пылесосила. Пылесос, похожая на игрушку красная штуковина, так и остался там,

наверху лестницы, застрял между балясин. Видимо, ее нога запуталась в проводе. Мэри споткнулась и покатилась по ступенькам вниз. В доме никого больше не было. Двери закрыты. Какое еще объяснение можно предложить?

От мыслей о случившемся неделю назад Эмилию Редвинг отвлек шум за дверью. В комнату вошел ее муж. Она достала из кастрюли яйца и аккуратно выложила на две фарфоровые подставки. Женщина с облегчением увидела, что супруг оделся для похорон. Она почти не сомневалась, что он забудет. Артур облачился в темный выходной костюм, но без галстука – галстуков он никогда не носил. На рубашке было несколько пятен краски, но этого следовало ожидать. Артур и краска были неразделимы.

– Ты встала рано, – заметил он.

– Прости, дорогой. Я тебя разбудила?

– Нет, не то чтобы. Но я слышал, как ты спускалась. Не спалось?

– Видимо, задумалась о похоронах.

– Хороший день для них. Надеюсь, проклятый викарий не станет затягивать. С этими святошами-проповедниками вечно так. Они без ума от звука собственного голоса.

Артур взял чайную ложку и расколол скорлупу первого яйца.

Хрусть!

Эмилии вспомнился разговор, состоявшийся у нее с Мэри Блэкистон буквально за пару дней до того, как Брент вызвал ее в усадьбу. Доктор Редвинг кое-что узнала. Дело было важное, и она собиралась найти Артура и попросить у него совета, как вдруг, словно по наущению некоего злого духа, появилась экономка. И Эмилия рассказала все ей, а не мужу. Каким-то образом, одним хлопотливым днем, из лечебницы исчезла некая склянка. Попав не в те руки, ее содержимое могло причинить много вреда, и было ясно, что кто-то намеренно взял сосуд. Как тут следовало поступить? Сообщать в полицию доктору не хотелось, потому как это неизбежно означало расписаться в собственной глупости и безответственности. Каким образом аптека могла остаться без присмотра? Почему шкафчик не был закрыт? Почему она обнаружила пропажу только сейчас?

– Не переживайте, доктор Редвинг, – ответила Мэри. – Дайте мне денек-другой дней. Говоря по существу, есть у меня пара идей...

Вот что она тогда сказала. И выражение ее лица было не то чтобы лукавым, но каким-то самодовольным, как если бы она уже все знала и просто ждала, когда у нее спросят совета по этому делу.

И вот теперь Мэри мертва.

Разумеется, это несчастный случай. У Мэри Блэкистон не было времени переговорить с кем-либо насчет пропавшего яда, а если бы и было, злоумышленники не успели бы расправиться с ней. Она споткнулась и упала с лестницы, только и всего.

Но, глядя, как ее супруг окунает корочку тоста в яйцо, Эмилия Редвинг была вынуждена сама себе признать: она в самом деле сильно обеспокоена.

4

– С какой стати нам идти на похороны? Мы ведь почти не знали эту женщину!

Джонни Уайтхед возился с верхней пуговицей рубашки, но, сколько ни старался, никак не мог попасть в прорезь. Причина попросту заключалась в том, что ворот не сходил у него на шее. Ощущение создавалось такое, будто вся его одежда недавно подсела. Пиджаки, которые он носил годами, стали вдруг жать в плечах, а уж про брюки и говорить нечего! Джонни сдался и уселся за стол. Его жена Джемма поставила перед ним тарелку. Она приготовила настоящий английский завтрак: два яйца, бекон, сосиска и пожаренный кусочками помидор – все как ему нравилось.

– Там все будут, – сказала Джемма.

– Но это не означает, что там должны быть мы.

– Если не придем, пойдут разговоры. К тому же это для бизнеса хорошо. Теперь, когда она умерла, ее сын Роберт будет, вероятно, освобождать дом от вещей, а мало ли что попадется.

– Наверняка куча хлама. – Вооружившись ножом и вилкой, Джонни принялся за еду. – Но ты права, милая. Думаю, не повредит, если мы там помелькаем.

Торговых заведений в Саксби-на-Эйвоне было очень мало. Собственно говоря, там имелся один универсальный магазин, в котором продавалось почти все на все случаи жизни, от тряпки и ведра до порошка для заварного крема и джема шести различных сортов. Казалось почти чудом, что все это множество товаров способно разместиться на таком крошечном пространстве. С тыльной его стороны располагалась мясная лавка мистера Тернстоуна, с отдельным входом и свисающими ленточками, чтобы отпугивать мух. По вторникам приезжал фургончик с рыбой. А вот за чем-нибудь экзотическим, вроде оливкового масла или средиземноморских приправ, которые Элизабет Дэвид упоминает в своих кулинарных книгах, приходилось ездить в Бат. На другой стороне улицы располагался так называемый магазин «Дженерал электрик», но покупатели заглядывали туда крайне редко, разве что за запасной лампочкой или пробкой-предохранителем. Большинство выставленных на витрине товаров запылились и выглядели устаревшими. Были тут еще книжная лавка и кафе, работавшие только в летний сезон. Рядом с площадью, перед пожарной частью, располагался гараж, предлагавший широкий ассортимент запчастей, но среди них не нашлось бы ни одной, в которой на самом деле нуждались бы потребители. Такой была здешняя торговля, и она существовала в неизменном виде насколько хватало памяти.

А потом из Лондона приехали Джонни и Джемма Уайтхеды. Они купили бывшее почтовое отделение, давно стоявшее пустым, и превратили его в антикварный магазин с вывеской над окном, на которой старинным шрифтом были выведены их имена. Многие в деревне полагали, что под описание тамошнего товара больше подходит термин «утиль», чем «антиквариат», но магазинчик с самого начала приобрел популярность среди гостей, с явным удовольствием бродивших среди часов, пивных кружек «Тоби», наборов со столовыми приборами, монет, медалей, старых картин, кукол, перьевых ручек и прочих штучек, выложенных на прилавках. Действительно ли они их покупали, это уже другой вопрос. Однако магазин существовал вот уже шесть лет, а Уайтхеды жили в квартире над ним.

Джонни был невысоким, широкоплечим и лысым и, хотя сам не замечал того, уверенно набирал вес. Ему нравилось одеваться кричаще, в выдавший виды костюм-тройку с ярким, как правило, галстуком. На похороны он скрепя сердце надел более сдержанные пиджак и брюки из серой камвольной шерсти, но, как и рубашка, они сидели на нем плохо. Его жена, настолько худенькая и низкорослая, что в ее муже поместились бы три такие, облачилась в черное. Приготовленный завтрак она есть не стала, вместо этого налила чашку чая и потихонечку грызла треугольный тост.

– Сэра Магнуса и леди Пай там не будет, – как бы спохватившись, пробормотал Джонни.

– Где?

– На похоронах. Они вернутся только к следующим выходным.

– Кто тебе сказал?

– Не помню. Об этом разговаривали в пабе. Они уехали на юг Франции или куда-то еще. Везет же некоторым! Кстати, с ними пытались связаться, но пока все без толку. – Джонни помолчал, держа на весу кусок сосиски.

Послушать его сейчас, так сразу становилось ясно, что большую часть жизни он провел в лондонском Ист-Энде. Имея дело с покупателями, он говорил с совсем другим акцентом.

– Сэра Магнуса это расстроит, – продолжил Уайтхед. – Он был очень привязан к миссис Блэкистон. Эта парочка была неразлейвода!

– Ты к чему клонишь? Хочешь сказать, что у него с ней что-то было? – Размышляя над этим «чем-то», Джемма наморщила нос.

– Нет, это едва ли. Он бы не отважился, особенно когда его собственная миссис в поле зрения. Да и Мэри Блэкистон не из тех, за кем стоит бегать. Но она преклонялась перед ним. Воображала, будто у него солнце светит сама знаешь из какого места! И много лет служила у него домоправительницей. Хранительницей ключей. Она готовила ему, убирала, посвятила ему половину жизни! Уверен, сэр Магнус хотел бы проводить ее в последний путь.

– Могли бы подождать до его возвращения.

– Ее сын настоял, чтобы с похоронами покончили без отлагательств. И я его не виню, честное слово. Все это дело довольно неприятное.

Они сидели молча, пока Джонни не доел завтрак. Джемма пристально смотрела на мужа. Она часто так делала. Впечатление создавалось такое, будто она пытается проникнуть за его безобидную вроде бы внешнюю оболочку и обнаружить нечто такое, что муж пытается скрыть.

– Что ей здесь понадобилось? – спросила Джемма вдруг. – Мэри Блэкистон в смысле.

– Когда?

– В понедельник, перед смертью. Она была здесь.

– Нет, не была. – Джонни отложил нож и вилку. Съел он все быстро и насухо вытер тарелку.

– Не ври мне, Джонни. Я видела ее выходящей из магазина.

– А, из магазина! – Джонни виновато улыбнулся. – Мне показалось, что ты видела ее наверху, в квартире. Вот это было бы совсем другое дело, не так ли? – Он помедлил в надежде, что жена переменит тему, но та не выказывала такого намерения, и Джонни продолжил, тщательно подбирая слова: – Да... миссис Блэкистон заглядывала в магазин. И думаю, как раз на той неделе, когда это случилось. Если честно, любовь моя, то я не помню в точности, что именно ей понадобилось. Кажется, она говорила про подарок кому-то, но так ничего и не купила. Да и пробыла тут, кстати, всего пару минут.

Джемма Уайтхед всегда знала, когда муж лжет.

Она действительно видела, как миссис Блэкистон выходила из магазина, и запомнила этот факт, каким-то чутьем догадываясь, что дело нечисто. Но ни словом не обмолвилась тогда, да и сейчас решила не углубляться в тему. Ей не хотелось ссоры, особенно когда им вскоре предстоит идти на похороны.

Что до Джонни Уайтхеда, то, вопреки своим словам, он отлично помнил про их последнюю с миссис Блэкистон встречу. Та пришла в магазин и озвучила свои обвинения. И хуже всего, у нее имелись доказательства в их поддержку. Как удалось ей раздобыть их? А прежде всего, как она на него вышла? Разумеется, этого Мэри ему не сказала, но изыскалась напрямик. Стерва!

Разумеется, Джонни Уайтхед никогда не признался бы в этом своей жене, но его очень радовало, что Мэри Блэкистон умерла.

5

Кларисса Пай, одетая с головы до пят в черное, рассматривала свое отражение в зеркале в полный рост, висящем в конце коридора. И снова возвращалась к мысли, что шляпка с тремя перьями и жатой вуалью выглядит не к месту. *De trop*⁵, как говорят французы. Повинуясь минутному порыву, она купила эту шляпку в магазине секонд-хенд в Бате и сразу же пожалела об этом. Клариссе хотелось выглядеть во время похорон как можно лучше. Там соберется вся

⁵ Излишне, избыточно (*фр.*).

деревня, а затем ее пригласили в «Герб королевы», где будут кофе и безалкогольные напитки. Ну так надеть или не стоит? Она аккуратно сняла шляпку и положила на стол в холле.

Волосы у Клариссы были слишком темные. Она специально подстригла их коротко, но хотя Рене, как всегда, справился на отлично, этот его новый колорист определенно все загубил. Вид у нее стал нелепый, как с обложки журнала «Хоум чат». Ладно, решено. Без шляпки не обойтись. Кларисса взяла тюбик помады и осторожно покрасила губы. Так лучше. Важно приложить старания. Похороны начнутся минут через сорок, и первой приходить ни к чему. Чем заполнить время? Она прошла в кухню, где после завтрака осталась грязная посуда, но мыть ее, будучи уже одетой, не хотелось. На столе обложкой вниз лежала книга. Кларисса читала Джейн Остин – ах, милая Джейн! – перечитывала в бог весть какой раз, но в эту минуту настроения не было. Эммой Вудхауз и ее махинациями можно будет заняться после обеда. Послушать радио? Или выпить еще чашку чая и поразгадывать кроссворд в «Телеграф»? Да, пожалуй, она так и поступит.

Кларисса жила в современном доме. Очень многие здания в Саксби-на-Эйвоне представляли собой солидные георгианские постройки из батского камня с красивыми портиками и террасными садами. Даже Джейн Остин читать не надо: достаточно выйти на улицу, и окажешься в ее мире. Кларисса предпочла бы поселиться близ главной площади или на Ректори-лейн, идущей за церковью. Там стояли красивые коттеджи, элегантные и ухоженные. А вот дом номер 4 по Уинсли-Террас строили в спешке. Он имел самую обычную планировку: две комнаты наверху, две внизу, отделанный штукатуркой с галькой фасад и квадратный сад, едва ли стоивший трудов. Сад был неотличим от соседских, если не считать оставшегося от прежних владельцев прудика, в котором обитали две престарелые золотые рыбки. Верхний Саксби-на-Эйвоне и Нижний Саксби-на-Эйвоне. Разница не могла быть более разительной. Кларисса находилась не на той стороне.

Этот дом – все, что она могла себе позволить. Кларисса обвела взглядом маленькую квадратную кухню с новыми занавесками, пурпурного цвета стенами, аспидстрой в горшке на подоконнике и небольшим деревянным распятием на буфете, где она могла видеть его, начиная каждый новый день. Ее глаза скользнули по обеденным принадлежностям, так и оставленным на столе: одна тарелка, один нож, одна ложка, одна наполовину пустая баночка мармелада «Голден шред». На Клариссу волной нахлынули чувства, с которыми ей удалось сжиться за годы, но, чтобы обуздать их, по-прежнему требовались все ее силы. Она была одинока. Не стоило ей приезжать сюда. Не жизнь, а пародия.

И все это из-за двенадцати минут. Каких-то двенадцати минут!

Схватив чайник, Кларисса с силой поставила его на плиту и резким поворотом кисти открыла газ. Нет, это действительно нечестно. Ну как можно предопределить жизнь человека, не спрашивая его согласия, только по причине времени рождения? В детские свои годы в Пай-Холле она никак не могла этого понять. Они с Магнусом были близнецами. Будучи ровней, они наслаждались богатством и привилегиями, которые окружали их тогда и должны были окружать до конца жизни. Так Кларисса всегда считала. Как же такое могло случиться?

Теперь она знала ответ. Магнус сам первым рассказал ей, поведав про некий многовековой давности акт, согласно которому дом и все имение отходили к нему, исключительно по праву первородства, а титул – в силу его принадлежности к мужскому полу, и с этим ничего нельзя поделать. Она подумала, что он говорит это все, чтобы ее позлить. Но вскоре сама убедилась. Процесс осознания происходил мучительно, начавшись с гибели родителей в автомобильной аварии, когда Клариссе перевалило за двадцать пять. Усадьба формально перешла к Магнусу, и с этого момента статус ее изменился. Она стала гостьей в собственном доме, причем нежеланной. Ее переселили в комнату поменьше, а когда Магнус познакомился с Фрэнсис и женился на ней – это произошло спустя два года после войны, – Клариссу и вовсе вежливо попросили съехать.

Год она влачила жалкое существование в Лондоне, снимая крошечную квартиру в Бейсуотере и наблюдая, как тают ее сбережения. И в итоге решила стать гувернанткой. Что еще оставалось одинокой женщине, сносно говорившей по-французски, умеющей играть на пианино и цитировать известных поэтов, но не владеющей никаким иным достойным ремеслом? В погоне за приключениями Кларисса отправилась в Америку: сначала в Бостон, затем в Вашингтон. Обе семьи, где ей довелось работать, оказались весьма неприятными, а с ней, естественно, обращались, как со скотом, хотя она была во всех отношениях опытнее и более утонченной – пусть сама она об этом никогда бы не сказала. А дети?! Для нее стало очевидно, что американские дети самые скверные в мире: они лишены воспитания, породы и не могут похвастаться умом. Однако платили ей хорошо. Кларисса откладывала каждый пенни – вернее, каждый цент – из заработанных денег и, когда дольше терпеть стало невозможно, после десяти долгих лет вернулась домой.

Домом был Саксби-на-Эйвоне. В каком-то смысле это было последнее место, где ей хотелось бы жить, но тут она родилась и выросла. Куда же еще ехать? Не мыкаться же до конца дней в однушке в Бейсуотере? По счастью, подвернулась работа в местной школе, а накопленных сбережений как раз хватало, чтобы выплачивать ипотеку. Магнус ей, естественно, не помогал. Клариссе даже и мысли не приходило попросить у него. Поначалу она злилась при виде того, как он въезжает в большой дом или выезжает оттуда. В этом доме они некогда играли вместе. И у нее до сих пор хранился ключ, ее собственный, от парадной двери! Кларисса не вернула его и никогда не вернет. Ключ служил ей напоминанием об утраченном, но одновременно подтверждал, что у нее есть полное право жить там. Ее присутствие в Саксби-на-Эйвоне наверняка раздражало брата. В этом она черпала некое утешение.

Досада и гнев захлестнули Клариссу Пай, пока она стояла у себя на кухне, а чайник на плите, закипая, уже шипел на нее. Из двух близнецов умной была она, а не Магнус. В классе он всегда тянулся в хвосте и получал ужасные отметки, тогда как в ней учителя души не чаяли. Брат ленился, потому что мог себе это позволить. Ему не о чем было переживать. Это ей пришлось уйти и искать работу, любую работу, чтобы добыть кусок хлеба. У Магнуса есть всё, а Кларисса для него теперь никто. Зачем вообще она идет на эти похороны? Ей пришла вдруг в голову мысль, что Мэри Блэкстон была брату намного ближе, чем она. Простая экономка, Господи, прости!

Кларисса повернулась к распятию и стала вглядываться в крошечную фигурку, прибитую к деревянному кресту. В Библии ясно сказано: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего». Она искренне старалась следовать словам из книги Исхода, глава двадцатая, стих семнадцатый, и во многих смыслах ей это почти удавалось. Разумеется, хотелось бы денег побольше. Как хорошо было бы жарче топить зимой и не беспокоиться насчет счетов. Обычная человеческая слабость. По пути в церковь Кларисса часто напоминала себе, что даже если Магнус не самый добрый и отзывчивый из братьев – по правде говоря, далеко не самый, – ей все-таки следует прощать его. «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный»⁶.

Но это не помогало.

Время от времени Магнус приглашал Клариссу на ужин. В последний раз это случилось месяц назад. Именно тогда, когда она – одна из десятка гостей, вкушающих еду с фарфоровых тарелок и пьющих вино из хрустальных бокалов, – сидела за столом в большом холле среди фамильных портретов под галереей для менестрелей, эта мысль впервые закралась ей в голову. И больше не уходила. Она и сейчас была там. Кларисса пыталась ее прогнать. Молилась, чтобы эта мысль ушла. Но в итоге вынуждена была признать, что обдумывает грех куда

⁶ Мф. 6: 14.

более страшный, чем сребролюбие, хуже того: уже сделала первый шаг на пути к нему. Это безумие! Вопреки своей воле Кларисса возвела глаза к небу, думая о вещи, которую взяла и которая спрятана у нее в шкафчике в ванной.

«Не убий».

Кларисса прошептала слова, но с губ ее не сорвалось ни звука. Чайник за спиной перешел на визг. Она схватила ручку, забыв, что та горячая, и, коротко вскрикнув от боли, уронила чайник на плиту. Потом с досадой сунула руку под струю холодной воды. Так ей и надо.

Несколько минут спустя, позабыв про чай, Кларисса схватила со стола шляпку и отправилась на похороны.

6

Катафалк въехал на окраину Саксби-на-Эйвоне. Маршрут его неизбежно пролегал мимо въезда в Пай-Холл с его каменными грифонами и безмолвным теперь гостевым домом. Главная дорога из Бата была одна, а чтобы добраться до деревни в обход, приходилось делать большой крюк. Имелось ли что-то зловещее в том, что покойницу провезут мимо дома, служившего ей жилищем? Если бы этот вопрос задали распорядителям похорон Джеффри Ланнеру и Мартину Крейну – потомкам основателей фирмы, – они ответили бы отрицательно. Напротив, подчеркнули бы эти двое, разве это совпадение не символично в смысле завершенности? Как если бы Мэри Блэкистон замкнула круг.

Расположившись на заднем сиденье, перед гробом, и чувствуя себя больным и опустошенным, Роберт Блэкистон посмотрел на свой старый дом как на чужой. Он не повернул головы, провожая его взглядом. Даже не подумал о нем. Здесь жила его мать. Теперь она была мертва и лежала у него за спиной. Роберту было двадцать восемь, он был бледный и худой, с черными волосами, коротко подстриженными: прямая линия челки пересекала лоб и шла дальше, симметрично огибая уши. Роберт выглядел неловким в надетом на него костюме, и этому едва ли стоило удивляться, потому как костюм был чужим. Ему его одолжили на похороны. Свой костюм у Роберта был, но его невеста Джой уверяла, что он недостаточно хорошо сидит. Она взяла новый костюм в займы у своего отца, что послужило причиной ссоры между молодыми людьми. Джой заставила Роберта надеть его, и это послужило поводом для другой ссоры.

Джой сидела в катафалке рядом с Робертом. С момента выезда из Бата они почти не разговаривали, погрузившись каждый в свои думы. Оба переживали.

Роберту иногда казалось, что он почти с самого дня своего рождения пытался сбежать от матери. Детство его прошло в Лодж-хаусе, где они жили только вдвоем, каждый зависимый от другого, но по-разному. Он был ничто без нее. Она – без него. Роберт пошел в местную школу, где считался способным учеником, одним из тех, кто мог бы добиться многого, прилагая он чуть больше усердия. Друзей у него было мало. Учителя беспокоились, частенько замечая, как Роберт стоит в одиночестве посреди шумного школьного двора и никто с ним не играет. С другой стороны, это было вполне объяснимо. В раннем возрасте мальчик пережил трагедию. Его младший брат погиб – жуткий несчастный случай, а отец вскоре после того ушел из семьи, вина во всем себя. Отпечаток этого горя так и остался на Роберте, и другие дети шарахались от него, словно в страхе заразиться.

В учебе Роберт так и не преуспел. Преподаватели старались найти оправдания его плохому поведению и отсутствию успехов, принимая в расчет семейную драму, но даже они вздохнули с облегчением, когда в шестнадцать лет он окончил школу. По стечению обстоятельств случилось это в 1945 году, в конце войны, в которой сам Роберт не принимал участия, поскольку был слишком молод, но которая на длительные промежутки времени забирала его отца. Много тогда было юношей, чье образование понесло урон, и в этом смысле Роберт ока-

зался еще одной из этих жертв. О поступлении в университет и речи не шло. А следующий год оказался полным разочарований. Роберт продолжал жить с матерью, перебиваясь случайными заработками в деревне. Все, кто его знал, говорили, что он недооценивает себя, – вопреки всему, Роберт был слишком интеллигентен, чтобы вести подобный образ жизни.

В итоге сэр Магнус Пай, работодатель Мэри Блэкистон, бывший последние семь лет Роберту вместо отца, убедил юношу поступить на нормальную работу. Когда истек срок армейской службы подопечного, сэр Магнус помог ему получить место ученика механика в службе сервиса у главного поставщика автомобилей «форд» в Бристоле. Как ни странно, Мэри вовсе не была ему благодарна. То был первый и единственный раз, когда она повздорила с сэром Магнусом. Она беспокоилась за Роберта. Ей не хотелось оставлять его одного в далеком городе. Ее возмущало, что сэр Магнус действовал, не посоветовавшись с ней, даже у нее за спиной.

Копья ломать едва ли стоило, потому как в учениках Роберт продержался недолго. Не прошло и трех месяцев, как он отправился пропустить стаканчик в паб «Синий вепрь» в Брислингтоне. Там он оказался вовлечен в драку, обернувшуюся весьма скверно. Приехала полиция. Роберта задержали, и, хотя обвинения ему не предъявили, работодатели посмотрели на этот случай косо и выгнали его из учеников. Волей-неволей Роберту пришлось снова вернуться домой. Мать вела себя так, будто заранее предвидела такой исход. Она, мол, сразу не хотела его отпускать, и прислушайся он к ней, избавил бы обоих от кучи проблем. Все, кто их знал, считали, что с тех пор мать и сын никогда больше не ладили по-настоящему.

Но Роберт хотя бы открыл настоящее свое призвание. Он любил автомобили и умел их ремонтировать. Вышло так, что в местном гараже появилась вакансия механика на полный день, и хотя опыта у Роберта было маловато, владелец решил дать ему шанс. Денег работа приносила мало, зато, как часть договора найма, предоставляла право поселиться в квартирке над мастерской. Это молодого человека вполне устраивало. Он совершенно ясно дал понять, что не намерен больше жить с матерью и считает атмосферу Лодж-хауса гнетущей. Он перебрался в свою квартиру и с тех пор обитал там.

Роберт Блэкистон был человеком, лишенным амбиций. И не особенно любопытным. Его вполне устраивало то, чего он достиг, ни больше ни меньше. Но все переменялось, когда в результате несчастного случая он поранил правую руку, а мог и вовсе ее лишиться. Происшествие было заурядным и вовсе не относилось к неотвратимым: машина, под которой Роберт возился, сошла с домкрата, едва его не придавив. Травму нанес именно упавший домкрат. Баюкая руку, молодой человек, качаясь на ходу и заливая кровью спецовку, отправился в лечебницу к доктору Редвинг. Именно так он познакомился с Джой Сандерлинг, только начавшей работу в качестве медсестры и администратора. Несмотря на боль, Роберт сразу обратил на девушку внимание: симпатичная, с песчаного цвета волосами и веснушками на лице. Он думал о ней всю дорогу, пока ехал в «скорой», после того как доктор Редвинг наложила гипс на сломанные кости и отослала пациента в Королевский госпиталь в Бате. Рука давно зажила, но Роберт всегда с благодарностью вспоминал про тот несчастный случай, потому что он свел его с Джой.

Девушка жила с родителями в доме в Нижнем Вествуде. Отец ее был пожарным – раньше входил в боевой расчет в расположенной в Саксби-на-Эйвоне части, теперь работал в управлении. Мать была домохозяйкой и опекала старшего сына, нуждавшегося в постоянном уходе. Подобно Роберту, Джой покинула школу в шестнадцать лет и с миром за границами графства Сомерсет была почти не знакома. Зато, в отличие от него, горела страстью к путешествиям. Она читала книжки про Францию и Италию, и даже выучила несколько слов по-французски у дававшей ей частные уроки Клариссы Пай. У доктора Редвинг Джой работала уже полтора года, приезжая в деревню каждое утро на купленном в рассрочку розовом мотороллере.

Роберт сделал Джой предложение на церковном дворе, и она согласилась. Они собирались повенчаться в храме Святого Ботольфа следующей весной. До назначенного времени им

предстояло накопить денег на медовый месяц в Венеции. Роберт обещал, что в первый же день, как они туда приедут, он прокатит жену на гондоле. Они будут потягивать шампанское, проплывая под мостом Вздохов. У них уже все было распланировано.

Странно было сидеть теперь вот так рядом с Джой, когда его мать лежит сзади, все еще вклиниваясь между ними, но теперь уже совсем иным образом. Роберту вспомнилось, как он в первый раз привел Джой в Лодж-хаус, на чаепитие. Мать проявляла крайнюю степень негостеприимства, в так хорошо знакомой ему манере: закупорила все эмоции стальной крышкой, из-под которой проглядывала только ледяная вежливость. «Очень рада познакомиться. Нижний Вествуд, говорите? Да, я хорошо его знаю. А отец ваш пожарный? Как любопытно». Мать вела себя как робот или актриса в дрянной пьесе. Хотя Джой не жаловалась и держалась молодцом, Роберт дал себе слово, что не заставит ее пройти через это снова. Тем вечером Роберт поругался с матерью, и, по правде говоря, с тех пор они никогда уже не проявляли по-настоящему родственных чувств друг к другу.

Но самая тяжкая ссора случилась всего несколько дней назад, когда викарий с женой были в отпуске, и Мэри Блэкистон приглядывала за церковью. Они встретились на улице у деревенского паба. «Герб королевы» размещался рядом с храмом Святого Ботольфа. Роберт сидел на солнышке, наслаждаясь после работы пинтой пива. Он увидел мать, идущую по кладбищу: видимо, она собирала цветы для служб в выходные дни, вести которые предстояло священнику из соседнего прихода. Заметив сына, Мэри направилась прямо к нему.

– Ты обещал починить свет в кухне.

Да-да-да... Освещение над плитой. Всего лишь лампочку нужно поменять, но добраться до нее трудно. Он обещал еще неделю назад. Роберт частенько заглядывал в Лодж-хаус, когда возникали проблемы. Но как сущий пустяк мог перерасти в такую глупую ссору? Кричать они не кричали, но говорили достаточно громко, чтобы их слышали все, сидящие возле паба.

– Почему бы тебе не оставить меня в покое? Как я хочу, чтобы ты умерла и дала мне немного передохнуть!

– Ну конечно, это тебе очень бы понравилось!

– Ты права! Еще как понравилось бы.

Неужели он в самом деле бросил матери эти слова? Да еще на людях? Роберт извернулся и посмотрел на лакированную деревяшку – крышку гроба с венками из белых лилий. Всего несколько дней назад, даже недели не прошло, его мать нашли лежащей у подножия лестницы в Пай-Холле. Смотритель парка Брент пришел к нему в гараж и сообщил новость. При этом взгляд у него был какой-то странный. Он был в пабе тем вечером? Слышал их перепалку?

– Приехали, – сказала Джой.

Роберт снова сел ровно. Верно, прямо перед ними находились церковь и кладбище, где собрались люди. Много, человек пятьдесят, не меньше. Роберт удивился, так как и представить не мог, что у его матери так много друзей.

Автомобиль замедлил ход и остановился. Кто-то открыл дверцу.

– Я не хочу этого делать, – пробормотал Роберт. Он прижался к Джой, почти как ребенок.

– Все хорошо, Роб. Я с тобой. Это скоро закончится.

Девушка улыбнулась, и ему сразу стало лучше. Что бы он делал без Джой? С ней его жизнь переменялась. Она стала для него всем.

Вдвоем они вышли из машины и направились к церкви.

7

Номер располагался на четвертом этаже отеля «Женевьева» в Кап-Ферра, с видом на сады и террасы. Солнце уже горело в голубом безоблачном небе. Чудесная выдалась неделя: отличная еда, превосходное вино, общение с обычным для средиземноморского курорта обще-

ством. При всем этом сэр Магнус Пай, заканчивая собирать чемодан, пребывал в дурном расположении духа. Прибывшее позавчера письмо испортило, можно сказать, весь отдых. Лучше бы этот проклятый викарий его не посылал. Очень характерное поведение для церковников: всюду они лезут, лишь бы помешать людям веселиться.

Жена равнодушно наблюдала за ним с балкона, покуривая сигарету.

– Мы опоздаем на поезд, – предупредила она.

– До поезда еще три часа. Куча времени.

Фрэнсис Пай затушила сигарету и вошла в комнату. Это была смуглая, властная женщина, ростом немного выше мужа и гораздо более импозантная. Сам лорд был низеньким, пухлым, с темной бородой, которая робко расплзалась по щекам, не отваживаясь претендовать на все лицо. Теперь, в пятьдесят три, он носил костюмы, подчеркивающие его возраст и общественный статус. Они были сшиты на заказ, дорогие, с обязательным жилетом. Эти двое представляли собой крайне неподходящую пару: сельский сквайр и голливудская актриса, допустим, или Санчо Панса и Дульсинея Тобосская. Хотя носителем титула был сэр Магнус, его жене этот титул подходил гораздо больше.

– Тебе стоило уехать сразу же, – сказала Фрэнсис.

– Ничего подобного. – Магнус хрюкнул, налегая на крышку чемодана, чтобы застегнуть замок. – Это всего лишь чертова экономка!

– Она жила с нами.

– Она жила в Лодж-хаусе. Это не одно и то же.

– Полицейские хотят поговорить с тобой.

– Поговорят, как только я вернусь. Мне и сказать-то им нечего. Викарий пишет, что она споткнулась об электрический шнур. Чертовски жалко, но это не моя вина. Они же не предполагают, что я убил ее или что-то в этом роде?

– С тебя станется, Магнус.

– Ну я не мог этого сделать – я все время был с тобой.

Фрэнсис Пай наблюдала, как муж сражается с чемоданом, но помощи не предлагала.

– Мне казалось, ты любил ее, – произнесла она.

– Она хорошо готовила и хорошо справлялась с уборкой. Но если начистоту, я экономку на дух не переносил: и ее саму, и ее сыночка. Мне всегда казалось, что в ней есть что-то неприятное. То, как она расхаживала по усадьбе с этим своим взглядом... словно ей известно что-то такое, чего не знаешь ты.

– Тебе следовало поехать на похороны.

– Почему?

– Потому что деревенские обратят внимание на твое отсутствие. И не одобряют.

– Меня там все равно не любят. И станут любить еще меньше, когда узнают про Дингл-Делл. А какое мне до них дело? Я никогда не пытался получить звание самого популярного человека, и к тому же это особенность жизни в деревне. Тут правит молва. Что же, пусть люди думают обо мне что угодно. По правде говоря, пошли они все к черту! – Сэр Магнус защелкнул замки, надавив на них большими пальцами, потом сел, переводя дух после приложенных усилий.

Фрэнсис посмотрела на него с любопытством, и на миг в ее глазах промелькнуло выражение сродни пренебрежению и омерзению. В их браке больше не было места для любви, и оба знали об этом. Они оставались вместе, потому что так удобнее. Даже среди жары Лазурного Берега атмосфера в комнате казалась леденящей.

– Я позвоню насчет носильщика, – сказала женщина. – Такси придет с минуты на минуту.

Подойдя к телефону, она заметила лежащую на столе открытку. На ней значилось имя Фредерика Пая и адрес в Гастингсе.

– Бога ради, Магнус! – с укором воскликнула Фрэнсис. – Ты так и не отправил Фредди открытку. Ты обещал это сделать, а она провалялась тут целую неделю! – Женщина вздохнула. – Он вернется домой прежде, чем открытка дойдет.

– Ну, семья, у которой он остановился сейчас, перешлет ее. Это не конец света. Мы все равно не можем сообщить ничего интересного.

– В открытках никогда не бывает ничего интересного. Их посылают по другой причине.

Фрэнсис Пай подняла трубку и позвонила портье. Пока она разговаривала, Магнус пытался что-то вспомнить. Поводом стал разговор про открытку. Что-то сказанное женой. Что именно? Это каким-то образом связано с похоронами, на которые он сегодня не попадет. Ах да! Как странно. Магнус Пай сделал в памяти зарубку, одну из таких, какие не забудешь. Ему предстоит кое-что сделать, и он сделает это, как только вернется домой.

8

– Мэри делала Саксби-на-Эйвоне местом более приятным для всех, украшая ли каждое воскресенье цветами эту самую церковь, навещая престарелых здесь или в Эштон-Хаусе, собирая пожертвования для Королевского общества защиты птиц или привечая посетителей Пай-Холла. Ее домашней выпечки пироги неизменно были украшением деревенского праздника, и, признаюсь вам, она не раз оставляла в моей ризнице приятный презент в виде миндального пирожного или куска викторианского бисквита.

Похороны шли чередом, каким идут все похороны: медленно, спокойно, с чувством тихой неизбежности. Джеффри Уивер присутствовал на множестве таких церемоний, стоя в сторонке и с интересом наблюдая за людьми: как за теми, кто пришел и ушел, так и за теми, кто пришел и остался. Ему даже не приходило в голову, что в совсем недалеком будущем может наступить день, когда хоронить будут его самого. Его отец дожил до ста, а Джеффри было всего восемьдесят три. У него еще полно времени.

Джеффри считал себя знатоком характеров и взглядом живописца озирает толпу, собравшуюся вокруг выкопанной им могилы. У него имелось мнение о каждом из этих людей. Можно ли найти более удобную ситуацию для изучения человеческой природы, чем похороны?

Начать с самого викария, с его каменным, точно могильная плита, лицом и слегка взъерошенной шевелюрой. Джеффри помнил, как Осборн поселился в Саксби-на-Эйвоне, сменив преподобного Монтегю, начавшего в старости чудить: повторяться в проповедях и засыпать во время вечерни. Осборнов встретили хорошо, хотя пара была немного странной: жена гораздо ниже мужа, изрядно полная и задиристая. Она никогда не стеснялась высказывать свое мнение, чем Джеффри скорее восхищался, хотя такое поведение вряд ли подобает супруге викария. Вот и теперь Уивер видел, как она, стоя позади мужа, одобрительно кивает, если сказанное ей нравится, и хмурится, если нет. Эти двое живут душа в душу, уж как пить дать. Но что-то много в них странного. Взять хотя бы их интерес к Пай-Холлу. О да, он пару раз видел, как они ныряют в лесок за садом, отделяющим их участок от владений сэра Магнуса Пая. Многие использовали Дингл-Делл как способ срезать путь к главному дому – отпадала необходимость делать крюк до дороги из Бата, а потом проходить через центральные ворота. Вот только не посреди ночи. Что же им там понадобилось?

Джеффри некогда было заниматься мистером и миссис Уайтхед, и он с ними толком никогда не разговаривал. То были лондонцы, а столичным, как он считал, не место в Саксби-на-Эйвоне. И антикварный магазин в деревне не нужен. Можно взять старое зеркало, старые часы или еще что-то, прицепить дурацкий ценник и назвать вещь антиквариатом, но хлам так и останется хламом, и дурак тот, кто думает иначе. Дело было в том, что Джеффри этой парочке не доверял. У него создалось впечатление, что они строят из себя кого-то, кем на самом деле не являются – в точности как тот товар, который продают. И что они забыли на похоронах?

Они ведь едва знали Мэри Блэкистон, и та определенно не сделала ничего, за что им стоило помянуть ее добрым словом.

А вот у доктора Редвинг и ее мужа есть полное право здесь находиться. Это она обнаружила труп – вместе со зрителем Брентом, который тоже стоял рядом, теребя в руках кепку, его вьющиеся волосы спадали на лоб. Эмилия Редвинг всю жизнь жила в деревне. Доктор Реннард, ее отец, работал в здешней лечебнице до нее. Сегодня его здесь нет, но это не удивительно – он живет в доме престарелых в Тробриндже, и поговаривают, что и ему не долго осталось пребывать на этом свете. Джеффри никогда серьезно не болел, но числился пациентом и у отца, и у дочери. Старый Реннард принимал его сына – в те дни человек зачастую совмещал роль доктора и повитухи. Что сказать про Артура Редвинга? Он слушал викария с выражением, граничащим со скукой и нетерпением. Приятный человек, без всякого сомнения. Художник, пусть это и не приносит ему денег. Не он ли какое-то время назад написал портрет леди Пай, что висит в холле? Так или иначе, на этих двоих можно положиться, не то что на Уайтхедов. Трудно представить себе деревню без четы Редвинг.

Это относится и к Клариссе Пай. Она, конечно, чересчур нарядилась на похороны и выглядит несколько нелепо в своей шляпке с тремя перьями. Куда только она собиралась? На коктейльную вечеринку? Но даже так Джеффри не мог не посочувствовать ей. Трудно, должно быть, ей жить здесь, где всем верховодит ее братец. Ему-то хорошо – раскатывает на своем «ягуаре», пока сестра горбатится в сельской школе. Причем учительница из нее, судя по отзывам, неплохая, пусть дети ее и недолюбливают. Наверное, потому что чувствуют ее обездоленность. Кларисса одна как перст. Замужем никогда не была. Половину жизни, похоже, проводит в церкви: он постоянно наблюдал, как она идет то в храм, то из храма. По правде говоря, Кларисса частенько останавливалась поболтать с ним, но, разумеется, по душам ей поговорить не с кем, если не считать того, к кому обращаются, стоя на коленях. В Клариссе заметно некоторое сходство с братом, сэром Магнусом, хотя сходство это не в ее пользу. Но она хотя бы пришла.

Кто-то чихнул. Брент. Джеффри наблюдал, как зритель вытер нос рукавом, потом огляделся по сторонам. Малый понятия не имеет о том, как подобает вести себя в обществе, но этому едва ли стоит удивляться. Большую часть жизни Брент провел в одиночестве, и, в отличие от Клариссы, это его собственный выбор. Он допоздна работает в усадьбе, а закончив, иногда заходит выпить или поесть в «Паромщик», где у него есть свой столик с видом на большую дорогу. Но в компанию он никогда не вливается. Никогда не участвует в разговоре. Иногда Джеффри задавался вопросом: что же в голове у этого парня?

Отвлекаясь от прочих провожающих, Джеффри сосредоточился на молодом человеке, приехавшем на катафалке, – Роберте Блэкистоне. Джеффри сочувствовал и ему, ведь это его мать хоронили, пусть даже эти двое жили как кошка с собакой. В деревне хорошо знали, что они не ладили, а Джеффри собственными ушами слышал слова, оброненные Робертом у «Герба королевы» в вечер накануне несчастного случая. «Как я хочу, чтобы ты умерла и дала мне немного передохнуть!» Ну, не стоит строго его судить. У людей часто срывается с языка что-нибудь, о чем они потом жалеют, и никто не мог предположить, что вскоре произойдет. Вид у парня, стоящего рядом с симпатичной девушкой, что работает в местной лечебнице, был несчастный. Всем отлично известно, что эти двое пара и очень хорошо подходят друг другу. Она явно соперничает Роберту – Джеффри читал это по ее лицу и по тому, как она держится за его руку.

– Она была частью деревни. Хотя мы собрались здесь сегодня, чтобы проводить ее в последний путь, нам следует помнить о том, что оставила она после себя...

Викарий подбирался к концу речи. Он был уже на последней странице. Джеффри обернулся и заметил, как Адам вошел на кладбище и остановился в конце дорожки. Хороший парень, на него можно положиться. Всегда рядом в нужный момент.

А вот затем произошло кое-что странное. Один из провожающих повернулся и пошел прочь, хотя викарий еще продолжал говорить. Джеффри его не разглядел, потому что этот человек стоял чуть поодаль, в самых задних рядах. Это был средних лет мужчина в темном плаще и в черной шляпе. Мягкой фетровой, такой фасон называется «федора». Джеффри успел бросить на его лицо только краткий взгляд, но оно показалось ему знакомым. Впалые щеки, крючковатый нос. Видел он его где-то прежде? Ладно, слишком поздно: уходящий был уже у главных ворот, направляясь к деревенской площади.

Что-то заставило Джеффри поднять взгляд. Незнакомец проходил под большим вязом, растущим на краю кладбища. На ветвях устроилось и шевелилось какое-то существо. Сорока. И не одна. Посмотрев снова, Джеффри увидел, что их там полным-полно. Сколько? Трудно было разглядеть сквозь густую листву, но в итоге он насчитал семь птиц, и это навело его на мысль про считалочку из детства.

Единицу для печали,
Два для радости возьмем,
Тройку девочке оставим,
Четыре мальчику даем.
Пять – число для серебра,
А вот шесть – для золота.
Ну а семь увидит свет
Для секрета на сто лет.

Ну разве это не чудно: целая стая сорок на одном дереве, как будто они прилетели сюда на похороны. Но потом подошел Адам, викарий закончил речь, присутствующие стали расходиться, и когда Джеффри снова посмотрел на вяз, птиц на нем уже не было.

Часть II

Радость

1

Доктору не было необходимости что-либо объяснять. Его лицо, тишина в комнате, разложенные на столе рентгеновские снимки и результаты анализов говорили сами за себя. Двое сидели друг напротив друга в уютно обставленном офисе в конце Харли-стрит и знали, что подошли к финалу драмы, разыгрывавшейся множество раз до них. Шесть недель назад они были едва знакомы. Теперь их соединяла связь самого глубокого свойства. Один сообщал новость. Другой ее принимал. Оба старались не выразить лишних эмоций. Обязанность их скрывать была частью процедуры, джентльменским соглашением.

– Доктор Бенсон, могу я осведомиться, сколько мне осталось? – спросил Аттикус Пюнд.

– Точно определить трудно, – ответил доктор. – Боюсь, что опухоль быстро прогрессирует. Если бы мы смогли обнаружить ее раньше, существовал бы небольшой шанс на операцию. А так... – Он покачал головой. – Сожалею.

– Нет нужды. – Пюнд говорил на прекрасном литературном английском образованного иностранца, тщательно выговаривая каждый слог, словно в качестве компенсации за немецкий акцент. – Мне шестьдесят пять. Я прожил жизнь долгую и, осмелюсь добавить, во многих смыслах счастливую. Много раз в прошлом я ожидал смерти. Можно сказать даже, что смерть была моей спутницей, постоянно следуя за мной по пятам. Что же, теперь она меня нагнала. – Пюнд развел руками и изобразил улыбку. – Мы с ней старые знакомые, и нет причин ее бояться. Тем не менее мне необходимо устроить свои дела, привести их в порядок. В этом плане очень помогло бы знать срок, хотя бы в грубом исчислении... Мы говорим о неделях или о месяцах?

– Ну, боюсь, ситуация будет ухудшаться. Ваши головные боли усилятся. Могут случаться приступы. Я пришлю вам кое-какие книги, которые помогут вам представить общую картину, и пропишу сильные обезболивающие. Возможно, вам стоит подумать о лечении в стационаре. Могу порекомендовать очень хорошее заведение в Хэмпстеде, оно находится в ведении Мемориального фонда Марии Кюри. На более поздних стадиях вам потребуется постоянный уход.

Слова уплывали куда-то вдаль. Доктор Бенсон смотрел на своего пациента несколько озадаченно. Имя Аттикуса Пюнда ему, естественно, было известно. Его часто упоминали в газетах: беженец из Германии, ухитрившийся пережить войну, проведя год в одном из гитлеровских концлагерей. На момент ареста он служил полицейским в Берлине, а может, в Вене, и после переезда в Англию сделался частным детективом, помогая полиции в расследовании множества дел. На сыщика он был совсем не похож: низенький, очень аккуратный, со сложенными перед собой руками. На нем был темный костюм, белая рубашка и узкий черный галстук. Туфли отполированы до блеска. Его можно было принять за бухгалтера из разряда таких, что работают на семейную фирму и безупречно надежны. И все же было в Аттикусе Пюнде нечто особенное. Только-только войдя в кабинет и еще не услышав новость, он выказывал некую странную нервность. Глаза смотрели из-под круглых, в проволочной оправе очков бесконечно внимательно, а прежде чем заговорить, Пюнд словно колебался. Странность заключалась в том, что, узнав диагноз, пациент явно успокоился. Создавалось впечатление, будто он давно ожидал его услышать и теперь был рад, что это наконец свершилось.

– Два или три месяца, – подвел итог доктор Бенсон. – Возможно, дольше, но я опасаюсь, что после этого срока ваши физические и умственные способности начнут угасать.

– Большое спасибо, доктор. Назначенное вами лечение было образцовым. Можно вас попросить, чтобы последующая ваша корреспонденция была адресована мне лично с пометкой «В собственные руки»? У меня работает секретарь, и мне пока не хочется, чтобы он знал.

– Разумеется.

– Наши с вами дела закончены?

– Буду рад видеть вас снова через пару недель. Нам нужно будет произвести кое-какие приготовления. Я всерьез считаю, что вам следует съездить в Хэмпстед и присмотреться к заведению.

– Я так и сделаю. – Пюнд встал. Удивительно, но в результате этого он почти не стал выше. Стоя, он казался ничтожным на фоне комнаты с ее панелями из темного дерева и высоким потолком. – Еще раз благодарю, доктор Бенсон.

Сыщик взял трость из палисандрового дерева с увесистой бронзовой ручкой. Вещица из восемнадцатого века. Она приехала из Зальцбурга и была подарком от немецкого посла в Лондоне. Не единожды эта трость выказывала себя эффективным оружием. Пюнд миновал администратора и швейцара, вежливо кивнув каждому, и вышел на улицу. Едва оказавшись там, он остановился и оглядел залитую яркими лучами улицу. Он совсем не удивился открытию, что все его чувства обострились. Очертания зданий казались математически ровными. Ухо вычленяло из общего гула дорожного движения звук, производимый каждой машиной. Кожа ощущала тепло солнечного света. В голову пришла мысль, что это могут быть последствия шока. Ему шестьдесят пять, и он едва ли встретит шестьдесят шестой день рождения. К этому нужно привыкнуть.

И тем не менее, шагая по Харли-стрит в направлении Риджентс-парка, Пюнд почти преуспел уложить новую ситуацию в рамки. Это был всего лишь очередной бросок костей, да и, в конце концов, вся его жизнь протекала, подчиняясь маловероятным обстоятельствам. Он знал, к примеру, что самым своим появлением на свет обязан историческому казусу. Когда баварский принц Отто I стал в 1832 году королем Греции, некоторое число греческих студентов предпочло эмигрировать в Германию. Одним из них был его прадедушка. Пятьдесят два года спустя Аттикус появился на свет от матери-немки, работавшей секретаршей в ландполицай⁷, где его отец служил патрульным. Наполовину грек, наполовину немец. Представитель этнического меньшинства, если такое вообще существовало. Ну а потом, разумеется, возвышение нацизма. Пюнды были не только греки – в их жилах текла еврейская кровь. По мере того как большая игра набирала обороты, шансы на их выживание таяли, и только самый беспечный игрок рискнул бы сделать на них ставку. И верно, Аттикус потерял всех: мать, отца, братьев, друзей. В итоге сам он угодил в концлагерь неподалеку от Бельзена, и собственная его жизнь оказалась спасена лишь благодаря административной ошибке, одному шансу на тысячу. После освобождения судьба подарила ему еще десять лет, так что стоит ли всерьез жаловаться, что в последний раз кости легли против него? Аттикус Пюнд был человек сильный духом и на Юстон-роуд уже вполне примирился с ситуацией. Чему быть, того не миновать. Сетовать он не будет.

Домой он поехал на такси. Пюнд никогда не пользовался метро, ему не нравилось скопление людей в тесном пространстве: такое множество грез, страхов и сожалений, спрессованных в темноте. Он находил его невыносимым. Черные автомобили были куда более спокойными, как кокон ограждая его от реального мира. Движение в середине дня не было плотным, и вскоре Пюнд оказался на Чартерхаус-сквер в Фаррингдоне. Такси подкатило к Таннер-Корту, весьма элегантному многоквартирному дому, где проживал сыщик. Он заплатил шоферу, прибавив щедрые чаевые, и вошел в подъезд.

⁷ Ландполицай – территориальное управление полиции в Германии.

Квартиру Пюнд купил на деньги, полученные за дело о бриллианте «Людендорф»⁸: две спальни, просторная и светлая гостиная, выходящая на сквер, и самое важное – коридор и кабинет, где он принимал клиентов. Поднимаясь в лифте на восьмой этаж, сыщик подумал, что в настоящий момент у него на руках нет расследований. Что же, это даже к лучшему.

– Эй! Привет! – раздался из кабинета голос, прежде чем Пюнд успел закрыть входную дверь.

Мгновение спустя из кабинета вылетел Джеймс Фрейзер с пачкой писем в руке. Молодой человек на пороге тридцатилетия, блондин, он был тем самым секретарем и помощником, о котором Пюнд обмолвился доктору Бенсону. Выпускник Оксфордского университета с претензией на карьеру актера, неудачник и хронический безработный, он откликнулся на объявление в «Спектейторе», полагая, что продержится на работе пару месяцев. Прошло шесть лет, а он все еще оставался здесь.

– Как успехи? – спросил секретарь.

– Успехи в чем? – в свою очередь спросил Пюнд. Фрейзер понятия не имел, куда ходил его шеф.

– Не знаю. В том, чем вы были заняты. – Джеймс одарил его своей по-мальчишески задорной улыбкой. – Кстати, звонил инспектор Спенс из Скотленд-Ярда. Просил, чтобы вы ему перезвонили. Кто-то из «Таймс» хочет взять у вас интервью. И не забудьте, что в половине первого придет клиент.

– Клиент?

– Да. – Фрейзер порылся в письмах, которые держал. – Ее зовут Джой Сандерлинг. Она звонила вчера.

– Не припоминаю, чтобы я разговаривал с Джой Сандерлинг.

– А вы и не разговаривали. Это я с ней говорил. Она звонила из Бата или еще откуда-то. Голос у нее был изрядно встревоженный.

– Почему вы не согласовали со мной?

– А нужно было? – Фрейзер спал с лица. – Мне ужасно жаль. У нас покуда ничего нет, и я решил, что вы не откажетесь от нового дела.

Пюнд вздохнул. Вид у него всегда был немного усталый и страдальческий, это было присуще его манере себя вести, но в этот раз трудно было выбрать более неподходящее время. Но даже теперь он не повысил голоса, действуя, как всегда, рассудительно.

– Мне жаль, Джеймс, – сказал Пюнд. – Но я не могу ее принять.

– Но мисс Сандерлинг уже в пути.

– Тогда передайте, что она зря потратила время.

Пюнд прошел мимо секретаря в свою комнату и закрыл за собой дверь.

2

– Вы же сказали, что он меня примет.

– Знаю, мне ужасно жаль. Но у него сегодня так много дел.

– Но я отпросилась на день с работы, добиралась сюда поездом из Бата. Нельзя так обращаться с людьми!

– Вы совершенно правы. Но мистер Пюнд тут не виноват: я не заглянул в его ежедневник. Если хотите, я оплачу вам железнодорожные билеты из сумм на текущие расходы.

– Дело не только в расходах на билеты. Тут вся моя жизнь решается. Я должна увидаться с ним. Не знаю, кто еще способен мне помочь.

⁸ См. «Аттикус Пюнд берется за дело». – Примеч. автора.

Пюнд слышал голоса, доносящиеся из-за двойной двери, ведущей в гостиную. Он удобно устроился в кресле, покуривая любимые сигареты «Собрание», черные с золотым кончиком. Он размышлял о своей книге, труде всей жизни, разросшейся уже до четырехсот страниц, а конца все еще не предвиделось. Называлась книга «Ландшафт криминалистического расследования». Фрейзер отпечатал на машинке последнюю главу, и Пюнд пододвинул листы к себе. «Глава двадцать шестая. Допрос и интерпретация». Читать сейчас он не мог. Пюнд подумал, что на завершение книги нужен еще год. Этого года в его распоряжении нет.

Голос у девушки был приятный. Она была молода. Даже находясь по другую сторону деревянной преграды, он мог сказать, что она вот-вот расплчется. Пюнд подумал про свой диагноз: внутричерепное новообразование. Доктор отвел ему три месяца. Неужели он и проведет их вот так, размышляя о делах, которые не смог доделать? Злясь на себя, он аккуратно затушил сигарету, встал и открыл дверь.

Джой Сандерлинг стояла в коридоре и разговаривала с Фрейзером. Девушка она была невысокая, миниатюрная во всех смыслах, с русыми волосами, обрамляющими очень милое личико и по-детски наивные голубые глаза. Для встречи с сыщиком она принарядилась. Светлый плащ, перехваченный на талии поясом, был излишним в такую погоду, но сидел на ней хорошо, и Пюнд заподозрил, что Джой выбрала его потому, что он придавал ей деловитый вид. Она заглянула за спину Фрейзеру и увидела его.

– Мистер Пюнд?

– Да. – Он медленно кивнул.

– Простите, что отрываю вас. Я знаю, как вы заняты. Но прошу вас, не могли бы вы уделить мне всего пять минут своего времени. Это так важно!

Пять минут. Она едва ли догадывается, но это имеет очень большое значение для них обоих.

– Хорошо, – ответил он.

Стоящий позади нее Джеймс Фрейзер выглядел расстроенным, словно считал, что подвел шефа. Но Пюнд принял решение, когда услышал ее голос. В нем звучало такое отчаяние. Хватит на сегодня горя.

Он проводил девушку в кабинет, вполне уютный, хотя и несколько аскетически обставленный. Здесь имелись стол и три кресла, антикварное зеркало, гравюры в золотых рамах, все в присущем Вене девятнадцатого века стиле бидермаейр. Фрейзер прошел за ними и занял место у стены: уселся, скрестив ноги, и примостил блокнот на колене. На самом деле записывать необходимости не было – Пюнд никогда не упускал даже самой мелкой детали и помнил каждое оброненное слово.

– Прошу вас, продолжайте, мисс Сандерлинг.

– Пожалуйста, зовите меня Джой, – откликнулась девушка. – Вообще-то, мое имя Джози. Но все зовут меня Джой.

– И вы приехали в такую даль из города Бата.

– Ради встречи с вами я готова была уехать даже дальше, мистер Пюнд. Я читала про вас в газетах. Там пишут, что вы лучший в мире сыщик и для вас нет ничего невозможного.

Аттикус Пюнд заморгал. От такой лести ему стало неудобно. Нервным движением он поправил очки и слегка улыбнулся.

– Это очень любезно с вашей стороны, но мы, похоже, несколько забегаем вперед, мисс Сандерлинг. Прошу нас извинить, мы поступили невежливо и не предложили вам кофе.

– Спасибо большое, но я не хочу кофе и не желаю слишком долго занимать ваше время. Но мне позарез нужна ваша помощь.

– Тогда почему бы вам не начать с того, чтобы рассказать о причине своего приезда?

– Да. Конечно.

Она выпрямилась в кресле. Джеймс Фрейзер ждал, держа ручку наготове.

– Имя мое вы уже знаете, – заговорила девушка. – Живу я в местечке Нижний Вествуд с родителями и братом Полом. К несчастью, брат родился с синдромом Дауна и не способен позаботиться о себе. Но мы с ним очень близки. На самом деле я жутко его люблю. – Она помедлила. – Дом наш совсем рядом с Батом, но работаю я в деревне, которая называется Саксби-на-Эйвоне. Устроилась в тамошнюю лечебницу, помогаю доктору Редвинг. Она ужасно славная, кстати. Я у нее скоро уже два года и очень довольна.

Пюнд кивнул. Он успел проникнуться симпатией к этой девушке. Ему нравились ее уверенность и манера четко изъясняться.

– Год назад я познакомилась с парнем, – продолжила Джой. – Он обратился к нам, потому что серьезно повредил руку в результате несчастного случая с машиной. Он чинил автомобиль, и тот едва не рухнул на него. Домкрат упал ему на руку и сломал несколько костей. Зовут его Роберт Блэкистон. Мы сразу приглянулись друг другу, и я начала с ним встречаться. Я очень его люблю. Мы собираемся пожениться.

– Примите мои поздравления.

– Хотелось бы мне, чтобы все было так просто. Теперь я не уверена, что наша свадьба состоится. – Джой достала платок и промокнула глаза, но сделала это скорее деловито, чем эмоционально. – Две недели назад умерла его мать. Ее похоронили в прошлые выходные. Роберт и я присутствовали на похоронах, и, разумеется, это было ужасно. Но хуже всего было то, как люди смотрели на него... С тех пор пошли слухи. И слухи заключаются в том, мистер Пюнд, что это сделал он!

– Вы хотите сказать, что он убил ее?

– Да. – Девушке потребовалось несколько секунд, чтобы взять себя в руки. Затем она продолжила рассказ: – Роберт всегда был не в лучших отношениях с матерью. Ее звали Мэри, она работала экономкой в одном большом доме – вы бы сказали в усадьбе, как я понимаю, – под названием Пай-Холл. Хозяином был сэр Магнус Пай, и его семья владеет этим домом уже много веков. Мэри готовила еду, убирала, совершала покупки и все такое, жила она в гостевом доме у ворот. Именно там и рос Роберт.

– Вы не упомянули про отца.

– Отца нет. Он ушел от них во время войны. Это все очень сложно, и Роберт никогда об этом не рассказывает. Семейная трагедия, понимаете? За Пай-Холлом есть большое озеро, очень глубокое, как говорят. У Роберта был младший брат Том. Они вдвоем пошли на озеро купаться. Роберту было четырнадцать, Тому – двенадцать. Так вот, Том заплыл на глубину и утонул. Роберт пытался его спасти, но не смог.

– Где в это время был их отец?

– В Боскомб-Дауне, служил там механиком в Королевских военно-воздушных силах. Это недалеко, и он довольно много времени проводил с семьей, но, когда случилось несчастье, его не было. А когда он узнал, то... Ну, вам лучше спросить у Роберта, хотя он, мне кажется, не очень-то хорошо все помнит. Суть в том, что его родители буквально вцепились друг в друга. Он обвинял жену, что та плохо смотрела за детьми, она его за то, что он уехал. Много я вам не расскажу, потому что Роберт никогда не говорит об этом, а все остальное – только деревенские слухи. Так или иначе, отец ушел, оставив их двоих жить одних в Лодж-хаусе. Позже супруги развелись, и с отцом Роберта я никогда не встречалась. На похоронах его не было, а если и был, я не видела. Его зовут Мэтью Блэкистон, но это все, что мне известно. Роберта вырастила мать, и они никогда не были счастливы. На самом деле им следовало бы переехать. Ни к чему было оставаться рядом с тем жутким местом. Даже не знаю, как ей это удавалось – ходить мимо озера, в котором утонул ее сын, видеть это место каждый день. Думаю, это отравляло ей душу... Напоминало о потерянном ребенке. Вероятно, в сердце своем она частично винила Роберта, хотя он ничем не мог помочь. Людям такое свойственно, не правда ли, мистер Пюнд? Некого рода безумие...

Пюнд кивнул:

– Действительно, существуют разные способы пережить утрату. И горе не подвластно рассудку.

– С Мэри Блэкистон я встречалась всего несколько раз, – продолжила девушка. – Хотя, разумеется, видела ее в деревне. Она часто приходила в лечебницу. Не потому что болела: они с доктором Редвинг были близкими подругами. После нашей с Робертом помолвки она пригласила нас на чай в Лодж-хаус. Получился кошмар. Не то чтобы Мэри вела себя недружелюбно, но она была так холодна и допрашивала меня так, словно я на работу устраивалась или что-то в этом роде. Чай мы пили в гостиной, и я словно сейчас вижу, как она сидит в кресле в углу с чашкой и блюдечком. Точно паука на паутине. Понимаю, что мне не следует так говорить, но таковы были мои мысли. А бедный Роберт целиком оказался в ее тени. Рядом с ней он совершенно менялся, становился замкнутым и тихим. Думаю, за все время чаепития он и слова не проронил. Просто сидел, уставившись в ковер на полу, словно сделал что-то нехорошее и ждал выволочки. Вы бы видели, как она с ним обращалась! У нее для сына не находилось ни единого доброго слова. Мэри была решительно настроена против нашего брака и ясно дала это понять. При этом все время слышалось тиканье. В комнате стояли громоздкие прадедовские часы, и я уже не чаяла, когда они пробьют час и придет пора уходить.

– Ваш жених не жил больше с матерью? На момент ее смерти?

– Нет. Он остался в той же деревне, но перебрался в квартиру над гаражом, в котором работает. – Свернув платочек, Джой сунула его за рукав. – Мы с Робертом любим друг друга. Мэри Блэкистон ясно дала понять, что не считает меня подходящей невестой для сына, но, даже если бы она не умерла, ничего бы не изменилось. Мы поженимся. И будем счастливы вместе.

– Если вы не против, мисс Сандерлинг, мне хотелось бы больше узнать о ее смерти.

– Конечно. Как я уже сказала, это произошло в пятницу, две недели назад. Мэри пошла в Пай-Холл убираться – сэр Магнус и леди Пай были в отъезде, – каким-то образом споткнулась, пока пылесосила, и упала с лестницы. Брент, который присматривает за парком, заметил, как она лежит, и вызвал врача, но было уже поздно. Она сломала шею.

– В полицию сообщили?

– Да. Из отделения в Бате приехал следователь. Я с ним не разговаривала, но он все четко установил. Петля из пылесосного провода лежала на верхней площадке лестницы. Больше в доме никого не было. Все двери закрыты. Очевидно, что произошел несчастный случай.

– И тем не менее вы сказали, что Роберта Блэкистона обвиняют в убийстве.

– Это все просто деревенские сплетни, и именно поэтому вы должны помочь нам, мистер Пюнд. – Девушка вздохнула. – Роберт повздорил с матерью. Они часто ссорились. Мне кажется, им так и не удалось избавиться от груза того, что случилось много лет назад, и это тяготило обоих. Короче говоря, они страшно поругались перед пабом. Куча народу это слышала. Началось все с того, что ему нужно было что-то починить в Лодж-хаусе. Она всегда требовала делать для нее какую-нибудь дурацкую работу, и Роберт никогда не отказывал. Но на этот раз не сдержался. Они по-разному обзывали друг друга, а потом Роб сказал кое-что, чего не имел на самом деле в виду. Но поскольку все его слышали, не имеет значения, имел он это в виду или нет: «Как я хочу, чтобы ты умерла!» – Платочек снова вынырнул наружу. – Вот что он сказал. А три дня спустя именно так и случилось.

Джой замолчала. Аттикус Пюнд сидел за столом, аккуратно сложив руки, с серьезным выражением лица. Джеймс Фрейзер делал пометки. Дойдя до конца предложения, он несколько раз подчеркнул одно слово. В окно лился солнечный свет. Там, снаружи, в парке Чартерхаус стали появляться офисные работники, вышедшие пообедать сэндвичем на свежем воздухе.

– Возможно, ваш жених имел вескую причину убить мать, – негромко проговорил Пюнд. – Я с ним не знаком и не желаю обидеть, но мы обязаны хотя бы допустить такую возможность. Вы двое хотели пожениться. Она стояла на пути.

– Да нет же! – возразила Джой Сандерлинг. – Нам не требовалось ее согласие, да и денег или другого имущества у нее не было. В любом случае я знаю, что Роберт не имеет к ее смерти никакого отношения.

– Откуда у вас такая уверенность?

Джой тяжело вздохнула. Было очевидно, что ей не хочется объяснять, но она понимает, что выбора нет.

– Полицейские сказали, что миссис Блэкистон умерла около девяти утра. Brent позвонил доктору Редвинг незадолго до десяти, а когда она приехала, тело было еще теплым. – Девушка помедлила. – Гараж открывается в девять, в одно время с лечебницей, и до этого часа я была с Робертом. Мы вышли из его квартиры вместе. Мистер Пюнд, если мои родители узнают об этом, они умрут, хотя мы и помолвлены. Мой отец пожарный и сейчас работает в управлении. Он человек очень серьезный и ужасно старомодный. К тому же необходимость ухаживать за Полом выработала у моих родителей острую привычку оберегать. Я сказала им, что собираюсь в театр в Бате и заночую у подруги. Но на самом деле я всю ночь провела с Робертом и ушла от него в девять утра, а это значит, что он не имеет никакого отношения к смерти матери.

– Могу я осведомиться: как далеко находится гараж от Пай-Холла?

– В трех-четыре минуты езды на моем мотороллере. Пешком, думаю, вы доберетесь туда за четверть часа, если срежете путь через Дингл-Делл. Так называется лес на окраине деревни. – Она насупилась. – Я понимаю, к чему вы клоните, мистер Пюнд. Но я видела Роберта тем утром. Он принес мне завтрак в постель. Разве мог он так поступить, если бы задумал убить кого-то?

Аттикус Пюнд не ответил, но по опыту знал, что бывают убийцы, способные улыбаться и поддерживать приятную беседу, а в следующую минуту нанести жестокий удар. А еще жизнь во время войны помогла ему выработать теорию, которую он назвал институционализацией убийства. Заключалась она в следующем: убедив себя в абсолютной необходимости своего поступка, человек приходит в конечном счете к выводу, что совершает вовсе не убийство.

– Так чего вы хотите от меня? – спросил он.

– Денег у меня мало. Мне по большому счету даже нечем вам заплатить. Понимаю, что не права и что мне, наверное, не следовало сюда приходить. Но это несправедливо. Просто нечестно. Я надеюсь, что вы съездите в Саксби-на-Эйвоне, всего на один день. Уверена, этого будет достаточно. Стоит вам побывать там и сказать, что это был несчастный случай и не было никакого злого умысла, все кончится, я в этом не сомневаюсь. Вас все знают. К вам прислушаются.

Повисла недолгая пауза. Пюнд снял очки и протер их платком. Фрейзер понимал, что это предвещает. Он достаточно долго пробыл с сыщиком, чтобы узнать его манеры. Пюнд всегда полировал очки, прежде чем сообщить неприятную новость.

– Мне жаль, мисс Сандерлинг, – начал он. – Я ничего не могу сделать. – Он вскинул руку, предвосхищая возражения. – Я частный детектив. Да, полиция часто обращается ко мне за помощью в расследованиях, но официального статуса в этой стране у меня нет. В этом-то и проблема. Мне крайне неуместно вмешиваться, особенно в дело, где, при всех подоплеках и намерениях, преступление не было совершено. Я спрашиваю себя: под каким предлогом мне попасть в Пай-Холл? Также мне приходится принимать в расчет сообщенные вами исходные данные. Вы сказали, что миссис Блэкистон погибла в результате несчастного случая. Полиция явно считает так же. Давайте исходить из того, что это был несчастный случай. Тогда я могу всего лишь противостоять молве, распространяемой некоторыми из селян, слышавшими злополучный разговор и по-своему истолковавшими его. Но молве нельзя противостоять. Слухи

и злые сплетни подобны выюнку: их нельзя срезать, даже мечом правды. Я могу, разумеется, утешить вас: дайте время, молва зачахнет и сгинет сама по себе. Таково мое мнение. Да и с какой стати вам и вашему жениху продолжать жить в той части света, раз она так недружелюбна к вам?

– А почему мы должны переезжать?

– Не должны. Если хотите моего совета, то оставайтесь там, женитесь и наслаждайтесь совместной жизнью. А самое главное, не обращайтесь на эту... я думаю, верно будет сказать «болтовню». Бороться с нею означает подпитывать ее. Забудьте про нее, и она сгинет.

Все было сказано. Как бы подчеркивая момент, Фрейзер захлопнул записную книжку. Джой Сандерлинг встала.

– Я очень благодарна вам, мистер Пюнд, – промолвила она. – Спасибо, что согласились меня принять.

– Всего доброго вам, мисс Сандерлинг, – совершенно искренне отозвался Пюнд. Он хотел, чтобы эта девушка была счастлива. Разговаривая с ней, он напрочь позабыл про свои собственные проблемы, про новость, услышанную сегодня.

Фрейзер проводил Джой до порога. До Пюнда донесся краткий обмен репликами, затем входная дверь открылась и закрылась. Несколько секунд спустя секретарь вернулся в комнату.

– Послушайте, мне жутко неудобно из-за этого, – пробормотал он. – Я пытался объяснить ей, что вас нельзя беспокоить.

– Я рад, что увиделся с ней, – ответил Пюнд. – Но скажите мне, Джеймс, какое слово вы подчеркнули несколько раз во время нашего разговора?

– Что? – Фрейзер залился краской. – Ах, на самом деле это пустяк. Даже не имеющий отношения к делу. Мне просто хотелось выглядеть деловитым.

– Мне пришло в голову, что тут кроется нечто важное.

– Да? Почему?

– Потому что в тот миг мисс Сандерлинг не сообщала ничего особенно интересного. Вот только мотороллер. Будь он любого другого цвета, только не розового, это могло иметь значение. – Пюнд улыбнулся. – Вы не будете любезны принести мне чашечку кофе, Джеймс? Но после этого, думаю, меня лучше не беспокоить.

Он повернулся и ушел в свою комнату.

3

Джой Сандерлинг возвращалась на станцию метро «Фаррингдон», дорога вела в обход Смитфилдского мясного рынка. У одного из многочисленных входов стоял грузовик, и, как раз когда Джой проходила мимо, двое мужчин в белых робах вытаскивали из кузова целую баранью тушу, освежеванную и всю в крови. Девушку передернуло. Ей не нравился Лондон. Она находила его угнетающим и не могла дождаться, когда окажется в поезде, идущем домой.

Встреча с Аттикусом Пюндом ее разочаровала, хотя она призналась сама себе, что ничего по большому счету от нее и не ожидала. С какой стати самому известному сыщику в стране интересоваться ею? У нее даже денег нет, чтобы заплатить. И все, что он сказал, – правда. Нет дела, чтобы его расследовать. Джой знала, что Роберт не убивал свою мать. Она была с ним в то утро и наверняка услышала бы, если бы он выходил из дома. Роберт бывает резким, может брякнуть сгоряча что-то такое, о чем потом пожалеет. Но Джой прожила с ним достаточно долго, чтобы знать: он никому не способен причинить вреда. Случившееся в Пай-Холле – это несчастный случай, и ничего более. Но всем сыщикам мира не под силу сдерживать злые языки в Саксби-на-Эйвоне.

И все-таки она правильно сделала, что пошла. Они заслужили свое право на счастье вдвоем, особенно Роберт. Он был таким потерянным, пока не встретился с ней, и она никому

не позволит разлучить их. Никуда они переезжать не станут. И им нет дела до того, что люди думают о них. Они постоят за себя.

Джой добралась до станции и купила билет у человека в киоске. В голове постепенно зрела мысль. Она была девушкой скромной, выросла в семье строгой и, вопреки участию отца в политике, консервативной. Шаг, который она вознамерилась предпринять, пугал, но другого пути не было. Ей нужно защитить Роберта. Нужно защитить их совместное будущее. Нет ничего важнее этого.

Прежде чем поезд прибыл на станцию, Джой твердо знала, что ей предстоит сделать.

4

Сидящая в ресторане на другом конце Лондона Фрэнсис Пай пробежала рассеянным взглядом по меню и заказала приготовленные на гриле сардины, салат и бокал белого вина. Заведение Карлотты было одним из тех семейных итальянских ресторанчиков, что лепятся к магазинам «Харродса»: администратор была замужем за шеф-поваром, а в число официантов входили сын и племянник. Заказ у нее приняли, меню унесли. Фрэнсис закурила сигарету и откинулась на спинку стула.

– Тебе следует уйти от него, – сказал ее спутник, темноволосый мужчина с усами, в двубортном пиджаке спортивного покроя и при галстуке.

Джек Дартфорд был на пять лет моложе Фрэнсис. У него была приятная улыбка, но сейчас во взгляде, устремленном на собеседницу, читалась озабоченность. Он с первого взгляда подметил, что с Фрэнсис что-то не так. Даже в том, как она сидела, угадывались нервозность и зажатость, одна ее рука поглаживала другую. Темные очки женщина не сняла, и Джек заподозрил, не скрывается ли за стеклами синяк.

– Он убьет меня, – ответила Фрэнсис и усмехнулась. – На самом деле он, можно сказать, уже пытался меня убить. После нашей последней ссоры.

– Ты шутишь!

– Не переживай, Джек, он не причинил мне вреда. Это все пустые угрозы. Он что-то прознал. Все эти телефонные звонки, визиты в Лондон, письма... Я просила не писать мне.

– Он прочел письма?

– Нет. Но Магнус не дурак. И разговаривает с почтальоном. Если ко мне приходит из Лондона написанное от руки письмо, мужу наверняка докладывают об этом. Кстати, наша ссора произошла вчера вечером перед ужином. Он более или менее открыто обвинил меня в том, что я с кем-то встречаюсь.

– Ты не рассказала ему обо мне?

– Боишься, что он явится к тебе с плетью? С него станется. Но не бойся, Джек, я ничего не рассказала ему.

– Он бил тебя?

– Нет. – Фрэнсис сняла солнечные очки. Глаза у нее были уставшие, но синяков под ними не было. – Это было просто неприятно. Как неприятно все, к чему имеет отношение Магнус.

– Почему же ты не уйдешь от него?

– Потому что у меня нет денег. Пойми, что жилка мстительности у Магнуса размером с Панамский канал. Если я попытаюсь его бросить, он созовёт целую армию адвокатов и добьётся того, чтобы я ушла из Пай-Холла только в том, что на мне надето.

– У меня есть деньги.

– Сомневаюсь, милый. Уж точно недостаточно.

Это было так. Дартфорд работал на валютном рынке, что сложно было назвать работой в прямом смысле слова. Он занимался этим не как профессионал, а время от времени. Делал вложения. Но в последнее время у него пошла черная полоса, и он очень надеялся, что Фрэнсис

Пай не подозревает, насколько крепко сидят на мели его финансы. Джек не мог позволить себе жениться на ней. Не мог сбежать с ней. Если так пойдет и дальше, он скоро и обед едва ли сможет себе позволить.

– Как юг Франции? – меняя тему, спросил он. Именно там они в свое время познакомились, играя в теннис.

– Скука. Мне так хотелось, чтобы ты был там.

– Ну еще бы. В теннис поиграла?

– Толком нет. Признаться честно, я была рада уехать. В середине недели пришло письмо.

Одна женщина из Пай-Холла споткнулась о провод, скатилась с лестницы и сломала шею.

– Господи! Фредди был там?

– Нет, жил с друзьями в Гастингсе. Он и до сих пор там, если на то пошло. И домой, похоже, возвращаться не собирается.

– Не удивительно. Так кто была та женщина?

– Экономка. Ее звали Мэри Блэкистон. Она прожила с нами много-много лет и сделалась почти незаменимой. Но и это еще не все. Когда в прошлую субботу мы наконец вернулись, то обнаружили, что нас ограбили.

– Не может быть!

– Честное слово. То была вина зрителя парка, – по крайней мере, так думает полиция. Он разбил стекло позади дома. Ему пришлось сделать это, чтобы доктор смогла войти.

– А зачем тебе понадобился доктор?

– Не спеши, Джек. Это для той погибшей женщины. Brent, зритель, увидел через окно, как она лежит на полу. Он вызвал доктора, и вместе с ней они проникли в дом, чтобы посмотреть, не нужна ли экономке помощь. Помощь, понятное дело, не понадобилась. Но потом Brent так и оставил дверь с разбитым стеклом. Не потрудился даже забить дыру досками. Она просто звала грабителей, и те не замедлили принять приглашение, сказав большое спасибо.

– Значительный урон нанесли?

– В плане имущества нет. Магнус большую часть ценностей хранит в сейфе, а воры не смогли его открыть. Но они все обшарили. И натворили немало: поковыряли ящики и поковыряли их содержимое, ну и так далее. У нас весь воскресный и вчерашний день ушли на то, чтобы убраться. – Фрэнсис протянула руку с сигаретой, и Дартфорд придвинул к ней пепельницу. – Я оставила на тумбочке у кровати кое-какие драгоценности и лишилась их. Становится не по себе, когда вообразишь, как кто-то чужой проникает к тебе в спальню.

– Могу представить.

– А Магнус лишился своего драгоценногоклада, и это его совсем не обрадовало.

– Какого еще клада?

– Римского, по большей части из серебра. Он хранился в семье не одно поколение, с тех самых пор, как его выкопали на их земле. Его нашли в чем-то вроде гробницы. Там были кольца, браслеты, несколько декоративных шкатулок, монеты. Клад лежал у нас в витрине в столовой. Разумеется, Магнус его никогда не страховал, хотя говорят, что он стоит целое состояние.

– Теперь, разумеется, уже поздно. ... Полиция помогла?

– Нет, конечно. Приехал какой-то тип из Бата, поклонился вокруг, перевел кучу порошка для отпечатков пальцев, замучил всех своими вопросами и исчез. Никакого проку.

Официант принес бокал с вином. Дартфорд пил кампари с содовой. Он заказал еще.

– Жаль, что это был не Магнус, – заметил он, когда официант ушел.

– Это ты о чем?

– О леди, свалившейся с лестницы. Жаль, что это был не он.

– Страшные слова ты говоришь.

– Я говорю то, о чем ты думаешь, дорогая. Мне ли тебя не знать? Как понимаю, если Магнус отбросит копыта, вся казна достанется тебе.

Фрэнсис выпустила сигаретный дым и с интересом посмотрела на спутника.

– По сути дела, дом и усадьба отойдут к Фредди – это определено правилами наследования. Так было из поколения в поколение.

– Но ты в накладе не останешься.

– Нет, конечно. И разумеется, у меня пожизненные права на Пай-Холл. Единственное, чего я не могу сделать, так это продать дом. Но ничего такого не случится. Магнус обладает идеальным здоровьем, по крайней мере для своего возраста.

– Пусть так, Фрэнсис. Но большой дом – особое место. Провод, протянутый поперек лестничного пролета. Всякое может случиться. Вдруг эти ваши грабители вернутся и прикончат его?

– Ты ведь шутишь?

– Просто размышляю вслух.

Фрэнсис Пай замолчала. Ни к чему вести такие разговоры, особенно в ресторане, где полно народа. Но ей пришлось признать, что Джек прав. Жизнь без Магнуса будет значительно проще и намного приятнее. Жаль только, что молния не попадает в одно и то же место дважды.

Но, с другой стороны, почему бы и нет?..

5

Доктор Эмилия Редвинг старалась навещать отца каждую неделю, но так получалось не всегда. Если в лечебнице было много посетителей, много вызовов к пациентам на дом и в больницу, если наваливалась бумажная работа, ей приходилось отложить поездку. Так или иначе, оправдание находилось с легкостью. Всегда найдется веская причина не ехать.

Эти визиты доставляли ей мало радости. Когда умерла жена, доктору Эдгару Реннард было восемьдесят, и, хотя он продолжал жить в своем доме близ Кингз-Эббот, оставаться прежним ему было уже не суждено. Вскоре Эмилия привыкла к постоянным телефонным звонкам от соседей. Отца видели бесцельно бродящим по улицам. Он перестал регулярно питаться. Был рассеян. Поначалу она убеждала себя, что это просто последствия тяжкого горя и одиночества, но симптомы буквально кричали, и пришлось признать очевидный диагноз. У ее отца развивалось старческое слабоумие. Лучше ему уже не станет. Напротив, прогноз обещал серьезное ухудшение. Эмилия какое-то время подумывала забрать отца к себе в Саксби-на-Эйвоне, но это было бы нечестно по отношению к Артуру, да и полноценной сиделки для старика из нее не получится. И все же она не могла избавиться от чувства вины и клейма предательницы, когда впервые привезла отца в Эштон-Хаус в долине Бата, бывший госпиталь, переоборудованный после войны в дом престарелых. Как ни странно, но Эмилиии легче удалось убедить отца, чем себя саму.

Тот день был не самым удачным для пятнадцатиминутной поездки в Бат. Джой Сандерлинг уехала в Лондон, повидаться с кем-то, как она сказала, по личному делу. Мэри Блэкистон похоронили всего пять дней назад, и в атмосфере деревни сохранялось некое напряжение, которое сложно было определить, но Эмилия по опыту знала, что оно еще даст о себе знать. Несчастье обладает свойством передаваться, подобно гриппу, и, по ее мнению, даже налет на Пай-Холл являлся частью этой общей заразы. Но оттягивать визит было нельзя. Во вторник Эдгар Реннард упал. Его осмотрел местный доктор, и дочери сообщили, что ничего серьезного не произошло. Тем не менее отец спрашивал о дочери. У него кончились продукты. Сестра-распорядительница Эштон-Хауса позвонила ей и попросила приехать.

Сейчас она была у отца. Ему помогли встать с кровати, но только чтобы усадить в кресло у окна. Там он и сидел, облаченный в халат, такой худой и хрупкий, что Эмилиии хотелось

расплакаться. Папа всегда был сильным, крепким. Маленькой девочкой Эмилия думала, что весь мир держится на его плечах. Теперь ему потребовалось добрых пять минут, чтобы узнать ее. Она видела, что болезнь усугубляется. Не то чтобы ее отец умирал – он просто утратил желание жить.

– Нужно было мне сказать ей... – произнес он. Голос у него был хриплый, губы шевелились с трудом. Ему пришлось повторить дважды, прежде чем она разобрала слова.

– О ком ты говоришь, папа? Что ты должен сказать?

– Ей следует знать, что случилось... Что я сделал.

– Что ты имеешь в виду? О чем толкуешь? Это имеет отношение к маме?

– Где она? Где твоя мать?

– Ее здесь нет.

Эмилия досадовала на себя – не следовало упоминать о матери. Это только собьет старика с толку.

– Что ты хотел мне сказать, папочка? – смягчив тон, спросила она.

– Это важно. Мне недолго осталось.

– Не говори ерунды. С тобой все будет хорошо. Только постарайся и скушай чего-нибудь. Я попрошу сестру-распорядительницу принести сэндвич, если хочешь. Я побуду с тобой, пока ты будешь есть.

– Магнус Пай...

Очень странно, что он произнес это имя. Разумеется, доктор Реннард знал сэра Магнуса, когда работал в Саксби-на-Эйвоне. Он лечил всю их семью. Но с какой стати вспоминать про него сейчас? Не связан ли как-то сэр Магнус с событием, про которое отец хочет рассказать? Проблема деменции в том, что она не только пробивает в памяти огромные бреши, но и перепутывает воспоминания между собой. Отец в равной степени может иметь в виду события пятилетней и пятидневной давности. Для него тут нет никакой разницы.

– Так что насчет сэра Магнуса? – спросила Эмилия.

– Кого?

– Сэра Магнуса Пая. Ты упомянул его. И хотел что-то мне сказать.

Но взгляд старика снова стал пустым. Он вернулся в мир, в котором теперь жил. Доктор Эмилия Редвинг пробыла с ним еще двадцать минут, но отец едва замечал, что дочь здесь. Затем она обменялась парой слов с сестрой-распорядительницей и ушла.

Домой она возвращалась с гнетущим чувством беспокойства, но едва припарковала машину, как выбросила из головы мысли про отца. Артур обещал приготовить сегодня вечером ужин. Они вместе посмотрят по телевизору «Жизнь с Лайонами» и пораньше лягут спать. Доктор Редвинг успела уже пролистать запись на прием на завтра и поняла, что день предстоит хлопотный.

Она открыла дверь и уловила запах гари. На секунду Эмилия всполошилась, но дыма не было, запах был слабым – скорее воспоминание об огне, чем реальный пожар. Войдя в кухню, она обнаружила Артура. Тот сидел за столом, точнее, лежал на нем и пил виски. Готовить ужин он даже не начал, и Эмилия сразу поняла: что-то стряслось. Артур тяжело переносил удары. Что-то произошло. Но что именно? Взглянув в сторону, доктор Редвинг увидела прислоненную к стене картину: деревянная рама обуглилась, большая часть холста прогорела. Это был портрет женщины. Его явно написал Артур, Эмилия сразу узнала его стиль, но ей потребовалось некоторое время, чтобы узнать, кто на нем изображен.

– Леди Пай... – пробормотала она, ответив на собственный вопрос прежде, чем успела его задать. – Что случилось? Где ты нашел его?

– В костре неподалеку от розария... В Пай-Холле.

– Как тебя туда занесло?

– Просто гулял. Я срезал путь через Дингл-Делл, увидел, что никого поблизости нет, и решил пройти через сады к большой дороге. Даже не знаю, почему меня туда потянуло. Возможно, так нужно было. – Он отхлебнул еще. Пьян Артур не был, виски служило ему для психологической поддержки.

– Брента не было. Никого вокруг, только эта чертова картина вместе с кучей остального хлама.

– Артур...

– Ну это их собственность. Они за нее уплатили и могут распоряжаться ею как угодно.

Доктор Редвинг вспомнила. Сэр Магнус заказал портрет к сорокалетию жены, и Эмилия была рада, даже когда узнала, как мало сэр Магнус готов заплатить. Это был заказ. Он так много значил для самооценки Артура, и тот принялся за работу с энтузиазмом. Он писал Фрэнсис Пай в течение трех сеансов в саду, с Дингл-Деллом на заднем фоне. Времени ему дали очень мало – начать с того, что леди Пай позировала крайне неохотно. Но даже так Фрэнсис Пай осталась довольна результатом: портрет подчеркивал все лучшее в ней, на нем она выглядела спокойной, слегка улыбающейся, уверенной в себе. Артур был вполне удовлетворен, как и сэр Магнус, приказавший повесить картину на видное место в большом холле.

– Это, наверное, ошибка, – сказала Эмилия. – С какой стати им его выбрасывать?

– Его кинули в огонь, – глухо проронил Артур и махнул в сторону холста. – А сначала он, похоже, исполосовал картину ножом.

– Можешь восстановить ее? Можно что-нибудь сделать?

Ответ она знала сама. Сохранились глаза женщины с их властным взглядом, уложенные темные волосы, часть плеча. Но большая часть изображения потемнела. Холст был разрезан на куски и обгорел. Эмилии не хотелось даже, чтобы он оставался в доме.

– Прости, – сказал Артур. – Я не приготовил ужин.

Допив стакан, он вышел из комнаты.

6

– Ты это видела?!

Робин Осборн читал выпуск «Бат уикли кроникл», и Генриетта никогда не видела его более рассерженным. В нем действительно есть что-то ветхозаветное, подумалось ей. Черные волосы, ниспадающие на воротник, бледное лицо, горящие гневом глаза. Так мог выглядеть Моисей, клеймящий золотого тельца. Или Иисус Навин, штурмующий стены Иерихона.

– Они решили срубить Дингл-Делл!

– О чем ты говоришь? – Генриетта налила две чашки чая и, поставив их на поднос, понесла в комнату.

– Сэр Магнус Пай продал лес застройщикам. Они намерены проложить новую дорогу и возвести восемь новых домов.

– Где?

– Прямо здесь! – Викарий указал на окно. – Прямо за нашим садом! Вот на что предстоит нам теперь любоваться: на ряд современных домов! Ему-то самому, разумеется, смотреть на них не придется – он будет на другом берегу озера и оставит достаточно деревьев, чтобы отгородиться. А вот нам с тобой...

– Но он не может так поступить!

Генриетта обошла мужа так, чтобы прочитать заголовок. «Новые дома для Саксби-на-Эйвоне». Чересчур оптимистичное истолкование для подобного акта вандализма. Руки мужа, держащие газету, заметно тряслись.

– Это охраняемые законом земли! – продолжила она.

– Не важно, охраняемые они или нет. Судя по всему, он дал разрешение. Такие дела творятся по всей стране. Здесь пишут, что работы начнутся еще до конца лета. А значит, в грядущем месяце или следующим за ним. И мы ничего не в силах поделать.

– Можно написать епископу.

– Епископ не поможет. Никто не поможет.

– Но попытаться стоит.

– Нет, Генриетта. Слишком поздно.

Позже тем вечером, пока они вместе готовили ужин, преподобный все еще никак не мог успокоиться.

– Это ужасный, ужасный человек! Он сидит в своем большом доме, поглядывая на нас свысока. А ведь он ничем не заслужил этого. Он просто унаследовал усадьбу от своего отца, как тот от своего. Но бога ради, сейчас ведь тысяча девятьсот пятьдесят пятый, а не Средние века! Конечно, то, что проклятые тори до сих пор у власти, не очень помогает, но мы все-таки далеко ушли от тех дней, когда человек получал богатство и власть исключительно благодаря своей родословной. Разве сэр Магнус хоть пальцем пошевелил, чтобы помочь ближнему? Посмотри на церковь! Крыша течет, новая отопительная система нам не по карману, а он не соизволит порыться в своей мошне и дать хотя бы шиллинг. Да он даже на службы не ходит в тот самый храм, где его крестили. Фу! На кладбище у него есть зарезервированный участок. И если хочешь узнать мое мнение, чем быстрее он будет использован, тем лучше.

– Ты ведь не всерьез, Робин.

– Ты права, Хен. Не подобает так говорить, и это совершенно непростительно с моей стороны. – Осборн помолчал и перевел дух. – Я совсем не против строительства новых домов в Саксби-на-Эйвоне. Наоборот, очень важно, чтобы молодые люди оставались в деревне. Но данное предприятие – дело совсем другое. Очень сомневаюсь, что кто-то из здешних жителей сможет позволить себе купить такое жилье. И попомни мои слова: эти дома будут отвратительно современными, совершенно не вписывающимися в местный колорит.

– Тебе не под силу остановить прогресс.

– Разве это прогресс? Стереть с лица земли прекрасный луг и лес, существующий тут тысячу лет? Честно говоря, я сомневаюсь, что это сойдет ему с рук. За все время здесь мы полюбили Дингл-Делл. Ты знаешь, что он для нас значит. Так вот, если эта затея осуществится, не пройдет и года, как мы будем жить рядом с пригородной улицей. – Робин отложил овощечистку и снял фартук. – Пойду-ка я в церковь, – ни с того ни с сего заявил он.

– А как же ужин?

– Я не голоден.

– Хочешь, я пойду с тобой?

– Нет. Спасибо, дорогая, но мне нужно время, чтобы поразмыслить. – Осборн надел пиджак. – И попросить прощения.

– Ты не сделал ничего дурного.

– Я произнес слова, которые мне говорить не следовало. И в голове моей появились мысли, которым там не место. Я почувствовал ненависть к ближнему своему... Это ужасно!

– Есть люди, заслуживающие этого.

– Это верно. Но сэр Магнус – такой же человек, как и мы. Я обязан молиться о спасении его души.

Преподобный вышел из комнаты. Генриетта услышала, как открылась и закрылась входная дверь, и принялась наводить порядок в кухне. Она искренне переживала за мужа и знала, какой удар им обоим нанесет утрата Дингл-Делла. Может ли она что-то сделать? А если ей лично повидаться с сэром Магнусом Паем...

Тем временем Робин Осборн ехал по Хай-стрит, направляясь к храму. Велосипед его стал в деревне притчей во языцех: дряхлая развалина с вихляющимися колесами и железной рамой

в тонну весом. К рулю его была прикреплена корзина. Обычно в ней лежали молитвенники или свежие овощи, которые преподобный вырастил сам и раздавал в дар бедным членам общины. В тот вечер в корзине было пусто.

Крутя педали, священник проехал на деревенской площади мимо Джонни Уайтхеда с женой. Чета под ручку направлялась в «Герб королевы». Уайтхеды не часто ходили в церковь – определенно не чаще, чем были обязаны. В этом, как и во всей своей жизни, они руководствовались соблюдением внешних приличий – именно оные побудили их поприветствовать викария. Тот не удостоил их вниманием. Бросив велосипед у входа на кладбище, он быстро прошагал и скрылся за главной дверью.

– Что с ним стряслось? – высказал мысль вслух Джонни. – Вид у него какой-то расстроенный.

– Может, это из-за похорон? – предположила Джемма Уайтхед. – Не очень-то приятное дело – погребать человека.

– Нет, викарии к такому привычны, – возразил Джонни. – Им это даже нравится. Похороны дают им повод почувствовать свою значимость.

Он оглядел дорогу. В гараже недалеко от храма Святого Ботольфа погас свет. Джонни заметил Роберта Блэкистона, пересекающего внешний дворик. Молодой человек закрывал на ночь мастерскую. Уайтхед посмотрел на часы, было ровно шесть.

– Паб открыт, – сказал он. – Давай заглянем.

Джонни пребывал в прекрасном настроении. Джемма разрешила ему сегодня съездить в Лондон – даже ей не под силу было заставить его всю жизнь проводить в Саксби-на-Эйвоне. Как славно было посетить пару любимых местечек и повидаться с парой старых друзей! Более того, ему просто нравилось находиться в городе, с его оживленным движением, пыльным и грязным воздухом. Ему нравился шум, нравились спешащие люди. Он изо всех сил старался стерпеть с жизнью в сельской местности, но чувствовал себя не более живым, чем фаршированный кабачок. Пересечься с Дерекем и Колином, пропустить в компании по паре кружек пива, прогуляться по Брик-лейн было все равно что родиться заново. Да при этом еще и вернуться с полусотней фунтов в кармане. Его такая щедрость удивила, но Колин даже глазом не моргнул.

– Отличная работа, Джонни! – сказал он. – Чистое серебро, да еще и старинное. Из музея добыл, так ведь? Тебе следует почаще к нам навещаться.

Что ж, сегодня он выпьет, даже если в «Гербе королевы» немногим веселее, чем на расположенном по соседству кладбище. В заведении собрались несколько человек из местных. За музыкальным автоматом стоял Тони Беннет. Уайтхед открыл дверь, пропуская жену, потом вошел сам.

7

Джой Сандерлинг была одна в аптечном пункте, выполнявшем также роль основного кабинета в лечебнице доктора Редвинг.

Дверь она открыла своим ключом. У нее имелись ключи от всех замков в здании, если не считать шкафчика с опасными лекарствами, и даже его она могла отпереть, так как знала, где доктор Редвинг хранит запасной ключ. Джой решила, как поступить. При одной мысли об этом сердце у нее начинало колотиться, но она все равно шла вперед.

Девушка вытащила из ящика стола лист бумаги и заправила в пишущую машинку. То была «Олимпия SM2 Делюкс», которую ей дали при устройстве на работу. Машинка была портативная. Джой предпочла бы что-нибудь более солидное, поскольку печатать приходилось много, но не в ее характере было сетовать. Она посмотрела на изогнутую белую страницу перед ней и на миг вернулась мыслями к своей поездке в Таннер-Корт и встрече с Аттикусом Пюн-

дом. Знаменитый сыщик ее разочаровал, но обиды на него она не чувствовала. С его стороны любезно было принять ее, тем более что выглядел он не слишком здоровым. Ей постоянно приходилось видеть больных людей. За время работы в больнице у Джой выработалось своего рода чутье. Она с первого взгляда определяла, если у пациента действительно серьезная болезнь, даже до его приема доктором, и сразу поняла, что Пюнд нуждается в помощи. Впрочем, это не ее забота. Важно то, что он был прав. Теперь, трезво все обдумав, Джой понимала, что остановить захлестнувшую деревню волну злых слухов невозможно. Пюнд ничего не мог бы тут поделать.

А вот она может.

Тщательно подбирая слова, девушка начала печатать. Много времени не понадобилось: весь текст состоял из трех-четырех строчек. Закончив, Джой перечитала написанное, и теперь, увидев эти слова воочию, черным по белому, задала себе вопрос, действительно ли она сможет это сделать. Но другого пути не было.

Перед ней что-то пошевелилось. Подняв глаза, Джой увидела Роберта Блэкистона, стоявшего с другой стороны стойки, в зоне для посетителей. Он был в спецовке, перепачканной маслом и копотью. Девушка настолько сосредоточилась на деле, что не заметила его прихода. Смутившись, она выдернула лист из машинки и положила его тыльной стороной вверх на стол.

– Ты что тут делаешь? – спросила Джой.

– Зашел повидать тебя, – ответил Роб.

Ну разумеется, он только что закрыл гараж и направился прямо сюда. Она не сказала ему о своей поездке в Лондон, и Роберт уверен, что она пробыла тут весь день.

– Как работа? – повеселев, поинтересовалась она.

– Недурно. – Роб посмотрел на лежащее текстом вниз письмо. – Что это?

В его голосе угадывалось подозрение, и девушка сообразила, что перевернула бумагу слишком поспешно.

– Это для доктора Редвинг, – ответила она. – Личное письмо. По медицинскому вопросу.

Лгать ей страшно не хотелось, но показать ему написанное она не согласилась бы ни при каких условиях.

– Может, выпьем чего-нибудь? – спросил молодой человек.

– Нет, мне нужно возвращаться к маме и папе. – Джой заметила, как по лицу Роберта пробежала тень, и обеспокоилась. – Что-то случилось?

– Да нет, в общем. Просто хотел побыть с тобой.

– Когда поженимся, мы всегда будем вместе, и никто ничего не сможет поделать.

– Ага.

Девушка заколебалась. Она вполне могла пойти вместе с Робом. Но мать приготовила праздничный ужин, а брат Пол всегда волновался, если сестра опаздывала. Она обещала почтить его вечером, перед сном. Его это всегда радовало. Захватив письмо, Джой встала и прошла через дверцу, разделяющую зоны. Она улыбнулась жениху и поцеловала его в щеку.

– Мы станем мистер и миссис Роберт Блэкистон, будем идти по жизни вместе и никогда не расставаться.

Внезапно он обхватил Джой обеими руками и сжал так сильно, что ей стало больно. Потом Роб поцеловал ее, и она заметила в его глазах слезы.

– Я не вынесу разлуки с тобой, – сказал он. – Ты значишь для меня все, Джой, честное слово! Встреча с тобой была самым замечательным событием моей жизни, и я никому не позволю встать между нами.

Джой поняла, что он имеет в виду: деревню, слухи.

– Мне нет дела до того, что говорят люди, – покачала головой она. – К тому же мы не обязаны оставаться в Саксби, а можем уехать куда захотим.

Ей подумалось, что именно об этом говорил Пюнд.

– Но мы останемся здесь, – продолжила девушка. – Все устроится, вот увидишь.

Через пару минут они расстались. Он пошел в свою крошечную квартирку, чтобы помыться и переодеться. Но Джой не поехала к родителям. Не сразу. У нее на руках оставалось написанное письмо, и его следовало доставить.

8

В ту же самую минуту, немного дальше по улице, Кларисса Пай услышала, как кто-то звонит в ее парадную дверь. Она готовила: на ужин у нее было нечто новенькое, недавно появившееся в деревенском магазине, – нарезанная аккуратными ломтиками мороженая рыба в сухарной крошке. Она налила на сковороду масла, но рыбу, по счастью, выложить не успела. Звонкок издал новую трель. Кларисса положила картонную коробку на разделочный стол и отправилась посмотреть, кто там.

Через гранитное стекло окошка парадной двери обрисовывался размытый темный силуэт. Неужто бродячего коммерсанта занесло в такой поздний час? Недавно деревня подверглась настоящему нашествию таковых – не хуже саранчи, обрушившейся на Египет. Кларисса неохотно приоткрыла дверь, довольная, что предохранительная цепочка на месте, и выглянула в щель. На пороге стоял ее брат, Магнус Пай. За его спиной она разглядела машину, голубой «ягуар», припаркованный на Уинсли-Террас.

– Магнус? – Женщина так удивилась, что не могла подобрать слов. Брат навещал ее всего дважды, когда она болела. Он не был на похоронах, и Кларисса не видела его за все время после возвращения из Франции.

– Привет, Клара. Можно войти?

Он всегда, с детских лет, называл ее Кларой. Имя напомнило ей про мальчишку, каким он был, прежде чем стал мужчиной, таким, какой есть сейчас. Зачем взбрело ему в голову отращивать эту отвратительную бороду? Кто-нибудь подсказал Магнусу, что она ему не идет? Что с ней он похож на чокнутого аристократа с карикатуры? Глаза у брата стали водянистыми, на щеках проступили сосуды. Очевидно, что он злоупотребляет спиртным. А манера одеваться? Словно на гольф собрался. На Магнусе были мешковатые штаны, заправленные в носки, и ярко-желтый кардиган. Трудно было представить, что они брат и сестра, и даже более того – близнецы. Возможно, это разные жизненные пути длиной в пятьдесят три года развели их настолько, что между ними не осталось ничего общего. Если оно вообще когда-то было.

Кларисса закрыла дверь, сняла цепочку, потом отворила дверь снова. Магнус улыбнулся, хотя этот излом губ мог означать что угодно, и шагнул в коридор. Кларисса собиралась проводить его на кухню, но вспомнила про коробку с мороженой рыбой на разделочном столе и направилась в другую сторону. Поворот направо или поворот налево: дом номер четыре по Уинсли-Террас – это не Пай-Холл, тут выбор невелик.

Вдвоем они вошли в гостиную, чистую и уютную комнату: ковер с круговым орнаментом, диван и два кресла и эркерное окно. Дополняли обстановку электрокамин и телевизор. С минуту они неловко молчали.

– Как ты? – спросил Магнус.

Он на самом деле хочет знать? Ему это интересно?

– Все замечательно, спасибо, – ответила Кларисса. – Как сам? Как Фрэнсис?

– А, с ней все замечательно. В Лондон поехала... за покупками.

Последовала очередная неловкая пауза.

– Могу я предложить тебе чего-нибудь выпить? – спросила Кларисса. Возможно, это просто визит вежливости: другая причина, по которой брат мог оказаться здесь, не приходила ей в голову.

– Было бы недурно. А что у тебя есть?

– Есть шерри.

– Спасибо.

Магнус сел. Кларисса подошла к угловому шкафчику и достала бутылку. Она стояла там с Рождества, кажется. Не испортилось ли шерри? Кларисса наполнила два стакана, понюхала, потом вернулась к гостю.

– Жаль слышать, что вас ограбили, – сказала она.

Магнус пожал плечами:

– Да, дома нас встретили не самым приятным образом.

– Когда вы вернулись из Франции?

– В субботу вечером. Входим в дом и обнаруживаем, что там все перерыто. Этот чертов идиот Брент не отремонтировал заднюю дверь. Я рад, что избавился от него, он давно уже действовал мне на нервы. Садовник из него неплохой, но поведение его мне никогда не нравилось.

– Ты его уволил?

– Думаю, настало время ему съехать.

Кларисса отпила шерри. Напиток прилипал к губе, словно отказываясь литься в горло.

– Слышала, ты потерял часть серебра?

– Почти все на самом деле. Признаться честно, времечко выдалось трудное: эта история и все прочее.

– Ты имеешь в виду Мэри Блэкистон?

– Да.

– Я огорчилась, не увидев тебя на похоронах.

– Знаю, мне жаль. Я не знал...

– Но викарий вроде бы написал тебе?

– Написал. Вот только я получил его письмо слишком поздно. Проклятая французская почтовая служба! Вообще-то, об этом я и хотел с тобой поговорить.

К шерри Магнус не притронулся. Он обвел взглядом комнату, словно видел ее в первый раз.

– Тебе здесь нравится?

Вопрос удивил ее.

– Нормально, – ответила Кларисса. Потом придала голосу больше твердости: – На самом деле я здесь очень счастлива.

– Правда? – Он произнес это таким тоном, словно сомневался в ее искренности.

– А почему нет?

– Дело, знаешь ли, в том, что Лодж-хаус теперь опустел...

– Ты про гостевой дом в Пай-Холле?

– Да.

– И ты хочешь, чтобы я переехала туда?

– Я думал об этом, пока летел назад. Чертовски жаль Мэри Блэкистон. Я, как тебе известно, был очень к ней привязан. Она была хорошая повариха и хорошая домоправительница, но прежде всего умела держать язык за зубами. Узнав об этом злополучном происшествии, я понял, что ее трудно будет заменить. И тут я подумал о тебе...

По телу у Клариссы пробежал холодок.

– Магнус, ты предлагаешь мне ее место?

– Почему нет? Ты ведь не работала толком с тех пор, как вернулась из Америки. Уверен, в школе тебе платят не очень много, а деньги наверняка не помешают. Если переедешь в Лодж-хаус, то сможешь продать эту квартиру и будешь снова наслаждаться жизнью в усадьбе. Помнишь, как мы с тобой бродили вокруг озера? Играли в крокет на лужайке. Естественно, мне нужно будет обсудить все с Фрэнсис. Пока я с ней не разговаривал, хотел услышать твой ответ. Ну, что скажешь?

– Могу я подумать?

– Конечно. Это была просто мысль, но из нее в самом деле может выйти что-то очень дельное. – Магнус поднялся, держа стакан в руке, потом передумал и снова сел. – Всегда рад видеть тебя, Клара. Будет здорово, если ты вернешься.

Усилием воли она проводила брата до двери, а после стояла и смотрела, как он садится в свой «ягуар» и уезжает. Ей никак не удавалось восстановить дыхание. Даже разговаривать с ним стоило гигантского труда. Волна за волной подкатывала тошнота, руки онемели. Кларисса слышала выражение «помертветь от гнева», но не думала, что оно может быть буквальным.

Магнус предложил ей место, предложил стать его служанкой. Мыть полы, убирать. Боже правый! Она ведь ему сестра и родилась в том самом доме. Она прожила там двадцать с лишним лет, ела с ним за одним столом. Ей пришлось съехать лишь после того, как погибли родители, а Магнус женился – эти два события произошли в неподобающе быстрой последовательности. С того дня Кларисса превратилась для него в ничто. А теперь такое!

В коридоре висела репродукция картины Леонардо да Винчи «Мадонна в скалах». Дева Мария вполне могла бы оторвать взгляд от Иоанна Крестителя и посмотреть с опаской на Клариссу Пай, протопавшую мимо с жадной мести в глазах.

Определенно, на уме у этой женщины была не молитва.

9

К половине девятого на Саксби-на-Эйвоне опустилась темнота.

Брент заработался допоздна. Помимо лужаек и прочей растительности, было еще пятьдесят сортов роз, на которых требовалось убрать увядшие цветы, и нужно было подрезать кроны на вязах. Убрав в конюшню тележку и садовые инструменты, он обогнул озеро и зашагал через Дингл-Делл по тропе, идущей мимо дома викария к «Паромщику», второму деревенскому пабу, расположенному у нижнего перекрестка.

Как раз когда Брент выходил на опушку леса, произошло нечто, заставившее его обернуться. Он услышал какой-то звук. Он бросил взгляд на дом, стараясь разглядеть его в темноте. На нижнем этаже горела пара окон, но никакого движения не наблюдалось. Насколько Брент знал, сэр Магнус Пай находился там один. Он прикатил из деревни с час назад, но его жена уехала на день в Лондон. Ее машины в гараже до сих пор не было.

Брент увидел фигуру на дорожке от главных ворот. Это был мужчина, он шел. Зрение у Брента было хорошее, и луна светила, но ему не узнать, не из деревенских ли этот человек. Трудно было сказать, потому что бо́льшая часть лица посетителя пряталась под шляпой. Но было нечто странное в том, как он шел: неизвестный пригибался и старался держаться в тени, как если бы не хотел, чтобы его заметили. Поздновато было для визитов к сэру Магнусу. Брент поразмыслил, не повернуть ли ему назад. В тот самый день, когда состоялись похороны, в усадьбу залезли воры, и все держались настороже. Чтобы пересечь лужайку и проверить, все ли в порядке, потребуется всего пара минут.

Но Брент решил этого не делать. В конечном счете не его дело, кто наведывается в Пай-Холл, а в свете разговора, состоявшегося между ним и сэром Магнусом тем самым вечером, и после сказанного сэром Магнусом Брент определенно не чувствовал преданности ни к своему нанимателю, ни к его жене. Им никогда не было до него дела. Его воспринимали как само собой разумеющееся. Он работал на них с восьми утра до ночи много лет за откровенно смешное жалованье, и ни разу не услышав спасибо. Обычно среди недели Брент не ходил выпить, но получилось так, что в кармане у него лежали десять шиллингов, которые он намеревался спустить на фиш-энд-чипс и пару пинт. «Паромщик» стоял в нижнем конце деревни. То было убогое обшарпанное заведение, куда менее солидное, чем «Герб королевы». Брента там знали. Он всегда садился в одном и том же месте у окна. За два часа пребывания в пабе он обмени-

вался с барменом десятком слов, но для Брента это сходило за беседу. Смотритель выкинул неурочного посетителя из головы и зашагал своей дорогой.

Прежде чем двадцатью пятью минутами позже он дошел до паба, у него произошла еще одна странная встреча. Когда Брент вынырнул из-под деревьев, то наткнулся на идущую навстречу ему несколько растрепанную женщину, в которой он узнал Генриетту Осборн, жену викария. Она, должно быть, вышла из своего дома, стоявшего немного дальше по дороге, и очень спешила. На ней была голубая парка, мужская, видимо принадлежащая ее супругу. Волосы у нее были в беспорядке, вид рассеянный.

– Ах, Брент, добрый вечер! – увидев его, воскликнула Генриетта Осборн. – Поздновато вышли.

– Я в паб иду.

– Правда? А я просто хожу... Ищу викария. Вы, случайно, его не видели?

– Нет. – Брент тряхнул головой, недоумевая, с какой стати священнику понадобилось уходить в такой час. Они с женой поссорились? Потом он вспомнил. – Кто-то шел в Пай-Холл, миссис Осборн. Может, это он был?

– В Пай-Холл?

– Хозяева недавно приехали.

– Ума не приложу, что могло ему там понадобиться. – Голос у нее был встревоженный.

– Я не знаю точно, кто это был, – пожал плечами Брент.

– Ну хорошо, спокойной ночи. – Генриетта повернулась и пошла назад, к своему дому.

Час спустя Брент сидел за фиш-энд-чипс, потягивая вторую пинту. В комнате было темно от табачного дыма. Музыкальный автомат играл громко, но в паузах между дисками смотритель парка уловил шум велосипеда, проезжающего по направлению к перекрестку. Брент поднял глаза и увидел, как велосипед проезжает мимо. Этот звук ни с чем нельзя было спутать. Выходит, он был прав: викарий побывал в Пай-Холле и теперь возвращался домой. В усадьбе он пробыл довольно долго. Брент подумал мельком про встречу с Генриеттой Осборн. Женщина беспокоилась о чем-то. Что происходит? Ну да ладно, не его ума дело. Брент отвернулся и выбросил это дело из головы.

Но довольно скоро ему пришлось о нем вспомнить.

10

На следующее утро Аттикус Пюнд прочел в «Таймс» статью.

УБИЙСТВО БАРОНЕТА

Уилтширскую деревню Саксби-на-Эйвоне посетила полиция в связи со смертью сэра Магнуса Пая, богатого местного землевладельца. Следователь Реймонд Чабб из полицейского отделения в Бате подтвердил, что смерть произошла в результате убийства. У сэра Магнуса остались его жена Фрэнсис, леди Пай, и сын Фредерик.

Пюнд сидел в гостиной в Таннер-Корте и курил сигарету. Джеймс Фрейзер принес ему газету и чашку чая. Вскоре он вернулся, чтобы опорожнить пепельницу.

– Видели первую страницу? – спросил Пюнд.

– Еще бы! Это ужасно. Бедная леди Маунтбеттен...

– Прошу прощения?

– Ее машину угнали! И это посреди Гайд-парка!

Пюнд улыбнулся, немного печально.

– Я не ту статью имел в виду. – Он ткнул пальцем в нужное место.

Фрейзер прочитал.

– Пай! – воскликнул он. – Не тот ли это...

– Да, он самый. Работодатель Мэри Блэкистон. Его имя упоминалось в этой комнате всего пару дней назад.

– Какое совпадение!

– Возможно. Совпадения случаются. Но в данном случае я не очень-то в него верю. Мы говорим о смерти – о двух скоростижных смертях в одном и том же доме. Вы не находите это занимательным?

– Вы ведь так просто это не оставите?

Аттикус Пюнд задумался.

Ему определенно не с руки было браться за новое дело. Время, которое было в его распоряжении, попросту не позволяло этого. Согласно доктору Бенсону, ему оставалось от силы три месяца относительного здоровья, а их может не хватить, чтобы поймать убийцу. К тому же он уже принял определенные решения. Нужно использовать это время, чтобы привести в порядок дела. Необходимо составить завещание, распорядиться домом и собственностью. Из Германии он уехал практически без гроша за душой, но была коллекция фигурок из мейсенского фарфора работы восемнадцатого века, принадлежавшая его отцу и каким-то чудом пережившая войну. Пюнду хотелось бы видеть эту коллекцию в качестве экспоната, и он уже написал в Музей Виктории и Альберта в Кенсингтоне. Для него будет утешением, если после его ухода музыкант, проповедник, солдат, швея и прочие члены его маленького «семейства» останутся неразлучны. В конечном счете это единственная семья, которая у него есть.

Пюнд упомянул в завещании Джеймса Фрейзера, бывшего с ним в ходе пяти последних дел и чья преданность и бодрый дух никогда ему не изменяли, пусть даже от молодого человека было мало проку, когда дело касалось расследования преступлений. Пюнд хотел совершить несколько благотворительных пожертвований, особенно в Фонд поддержки сирот полиции метрополии и столицы. Более того, оставались бумаги, касающиеся главного труда его жизни, «Ландшафт криминалистического расследования». Чтобы закончить работу, ему требовался целый год. В нынешнем ее состоянии монографию издателю направлять немыслимо. Но Пюнд рассчитывал хотя бы собрать все свои записки, а также газетные вырезки, письма и полицейские рапорты, чтобы в будущем некий ученый-криминолог смог свести все их воедино. Обидно будет, если такой труд пропадет даром.

Таков был его план. Но если жизнь чему и научила его, так это тщетности составления планов. У жизни есть своя программа действий.

Сыщик повернулся к Фрейзеру.

– Я сказал мисс Сандерлинг, что не могу ей помочь, так как у меня нет веского повода появиться в Пай-Холле, – сказал он. – Но теперь этот повод имеется, и, как я вижу, дело ведет наш старый знакомый, инспектор Чабб. – Пюнд улыбнулся. Былые искорки заблестели в его глазах. – Соберите вещи, Джеймс, и подгоните машину. Мы выезжаем немедленно.

Часть III

Девочка

1

Водить Аттикус Пюнд так и не научился. Не потому что был махровым ретроградом. Он был в курсе последних научных достижений и без колебания прибегал к ним – например, в части лечения своей болезни. Но в стремительности перемен, в этом внезапном нашествии механизмов всех типов и размеров было нечто приводящее его в смятение. По мере того как телевизоры, пишущие машинки, холодильники и стиральные машины все шире входили в обиход и даже поля заполнились столбами электролиний, Пюнд все чаще ловил себя на мысли, что человечеству еще, возможно, придется заплатить за прогресс неведомую пока цену. Об этом говорил его жизненный опыт. Ведь нацизм, по сути говоря, тоже был не чем иным, как машиной. Пюнд не бежал без оглядки навстречу новой технологической эре.

И потому, склонившись перед неизбежным и согласившись, что ему нужен личный автомобиль, он целиком переложил задачу на Джеймса Фрейзера. Тот ушел и пригнал модель «Велокс» от фирмы «Воксхолл» с четырехдверным салоном. Выбор, как признавал Пюнд, был удачным: солидный и надежный аппарат, достаточно просторный. Фрейзер, разумеется, радовался как мальчишка. Шестицилиндровый двигатель. Разгон с нуля до шестидесяти миль в час всего за двадцать две секунды. Обогрев лобового стекла зимой. Но Пюнд был доволен уже тем, что машина доставляла его туда, куда нужно, и, имея неброский серый кузов, не возвещала на всю округу о его прибытии.

После трехчасовой поездки из Лондона, проделанной без остановок, «воксхолл» с Джеймсом Фрезером за рулем подкатил к Пай-Холлу. На гравийной дорожке были припаркованы две полицейские машины. Пюнд вышел и размял ноги, радуясь освобождению из замкнутого пространства. Взгляд его проделал путь по фронтому здания, отметив его пышность, элегантность и чисто английский стиль. Он сразу определил, что этот дом много поколений принадлежал одной семье. Об этом говорили неизменность качества, дух постоянства.

– Чабб здесь, – вполголоса заметил Фрейзер.

В проеме входной двери появилась знакомая физиономия полицейского инспектора. Фрейзер позвонил ему перед выездом, и Чабб определенно ждал их. Пухлый и жизнерадостный, с усами, как у Оливера Харди⁹, следователь был в скверно сидящем костюме, под который было надето последнее изделие, связанное его женой: на этот раз особенно неудачный розовато-лиловый кардиган. Следователь был толстяком – такое впечатление он неизменно производил. Пюнд заметил однажды, что Чабб имеет вид человека, только что особенно вкусно отобедавшего. Инспектор скатился по ступенькам парадного входа, явно радуясь гостям.

– Герр Пюнд! – воскликнул он.

Чабб всегда обращался к нему «герр», как-то исподволь указывая, что в характере Пюнда есть изъян, поскольку он родился в Германии. Это все равно как если бы следователь сказал: давайте не будем забывать, кто победил в войне.

– Ваш звонок очень меня удивил, – продолжил Чабб. – Только не говорите, что вы вели дела с покойным сэром Магнусом.

– Ничего подобного, инспектор, – ответил Пюнд. – Я никогда не встречался с ним и узнал о его смерти из утренних газет.

⁹ Оливер Харди (1892–1957) – американский комик.

– Так что же вас сюда привело? – Инспектор перевел взгляд на Джеймса Фрейзера и воззрился на него, словно видел в первый раз.

– Странное совпадение.

По правде, Фрейзер часто слышал из уст сыщика, что такой штуки, как совпадение, не бывает. В «Ландшафте криминалистического расследования» имелась глава, где автор излагал точку зрения, что все в жизни следует определенному шаблону и совпадение – это просто момент, когда этот шаблон становится на краткое время видимым.

– Одна юная леди из этой деревни приезжала ко мне вчера, – продолжил Пюнд. – Она поведала мне о смерти, произошедшей здесь две недели назад.

– Это вы про экономку, Мэри Блэкистон?

– Да. Девушку беспокоило то, что определенные люди делают на основании случившегося ложные обвинения.

– Хотите сказать, что за смертью той пожилой дамочки кроется умышленное убийство? – Чабб достал из кармана пачку «Плейерс» – он покупал сигареты только этой марки – и закурил. На указательном и среднем пальцах правой его руки проступали несмываемые желтые пятна, как на клавишах старого фортепьяно. – Ну, тут я могу вас успокоить, герр Пюнд. Я лично все проверил и могу вас уверить, что это был чистой воды несчастный случай. Она пылесосила на верхней площадке лестницы, запуталась в проводе и скатилась по ступеням. На полу толстая каменная плитка – какая незадача для жертвы! Ни у кого не имелось причины ее убивать, к тому же она заперлась в доме и была совершенно одна.

– А как насчет смерти сэра Магнуса?

– Вот это уже совсем другая история. Войдите и сами посмотрите на эту бойню – другого слова не подберешь. Я сначала докурю, если не возражаете. Внутри довольно мерзко. – Он с жадностью припал к сигарете и затянулся. – Мы в данный момент склонны считать, что это грабеж, пошедший не по сценарию. Это самый очевидный вывод.

– Самые очевидные выводы – это то, чего я всегда стараюсь избегать.

– Ну, у вас свои методы, герр Пюнд, и я не утверждаю, что от них не было проку в прошлом. Что мы имеем здесь: богатый местный землевладелец, прожил в этой деревне всю жизнь. Рано пока говорить, но я не вижу никого, кто затаил на него обиду. Дальше: накануне вечером примерно в половине восьмого кто-то проник в усадьбу. Его заметил Brent, смотритель парка, только что закончивший работу. Описать внешность этого человека он не смог, но впечатление у него создалось такое, что это кто-то не из местных.

– Откуда такая уверенность? – спросил Фрейзер. Его до этой минуты упорно не замечали, и он решил напомнить присутствующим, что все еще здесь.

– Ну вы знаете, как это бывает. Гораздо проще узнать человека, если видел его прежде. Даже если не видно лица, можно узнать походку или очертания фигуры. Brent твердо убежден, что видел чужака. К тому же в поведении шедшего к дому незнакомца было нечто странное – он словно не хотел, чтобы его заметили.

– Вы полагаете, что это был грабитель, – сказал Пюнд.

– Несколько дней назад на дом уже совершили налет. – Чабб вздохнул, словно устав объяснять все снова. – Когда экономка умерла, пришлось выбить стекло в задней двери, чтобы доктор могла войти. Дверь так и не починили, и пару дней спустя в дом залезли воры. Они унесли с собой изрядный груз древних монет и украшений – римской эпохи, если угодно. Возможно, тогда они тут осмотрелись. В кабинете сэра Магнуса есть сейф. В тот раз грабители не смогли его вскрыть, но теперь-то они знали, где он, и решились на вторую попытку. Они считали, что дом по-прежнему стоит пустым. Сэр Магнус застал их врасплох, и вот вам результат.

– Вы упомянули, что его убили жестоко.

– Это слабо сказано. – Чаббу пришлось успокоить нервы еще одной глубокой затяжкой. – В главном холле есть старинные доспехи. Скоро вы их увидите. В полном комплекте, с мечом. – Инспектор сглотнул. – Мечом-то и воспользовались. Убитому начисто снесли голову.

Пюнд поразмыслил над услышанным.

– Кто его нашел? – спросил он.

– Жена. Она ездила в Лондон за покупками и вернулась примерно в девять пятнадцать.

– Поздновато закрываются магазины, – едва заметно улыбнувшись, заметил Пюнд.

– Ну, допустим, она еще поужинала. Так или иначе, когда она вернулась, то заметила отъезжающую машину. Женщина не уверена насчет модели, но машина была зеленая, и еще она разглядела две буквы на регистрационном номере: FR. Кстати, это ее инициалы. Леди Пай вошла и обнаружила мужа лежащим у подножия лестницы, почти в том же самом месте, где за неделю до того нашли тело экономки. Но лежал он там не весь: голова откатилась по полу до самого камина. Не уверен, что вам удастся в ближайшее время поговорить со свидетельницей. Она сейчас в больнице в Бате, до сих пор под действием успокоительных препаратов. Именно она позвонила в полицию, и я прослушал запись звонка. Бедная женщина: он так кричала и рыдала, что едва могла говорить. Если это убийство, вы определенно можете вычеркнуть ее из списка подозреваемых, если только она не величайшая в мире актриса.

– Тело, как я понимаю, убрали.

– Да. Мы увезли его ночью. Для этого требовался крепкий желудок, скажу я вам.

– После этого второго проникновения в дом что-то пропало, инспектор?

– Трудно сказать. Нужно переговорить с леди Пай, когда она будет в состоянии ответить.

Но на первый взгляд ничего не украли. Если угодно, можете зайти, герр Пюнд. Официальных полномочий у вас нет, конечно, и мне, вероятно, следовало бы перемолвиться с заместителем начальника, но думаю, никакого вреда не будет. Если вам что-то придет на ум, дайте мне знать.

– Разумеется, инспектор, – кивнул Пюнд.

Фрейзер знал, однако, что этого не будет. Он сопровождал Пюнда в пяти отдельных расследованиях и познакомился с раздражающей привычкой сыщика держать все соображения при себе до тех пор, пока ему не будет угодно сообщить правду.

Они одолели три ступеньки, но, прежде чем войти в парадную дверь, Пюнд остановился и наклонился.

– А вот это странно, – произнес он.

Чабб в недоумении воззрился на него.

– Вы хотите сказать, я что-то проглядел? – резко спросил следователь. – А мы даже не вошли в дом!

– Возможно, инспектор, это не относится к делу, – поспешил успокоить его Пюнд. – Но обратите внимание на цветочную клумбу рядом с дверью...

Фрейзер посмотрел вниз. Цветочные клумбы шли по обеим сторонам от входа, разделенные ступеньками крыльца.

– Петунии, если не ошибаюсь, – отозвался Чабб.

– Насчет этого судить не берусь, – сказал Пюнд. – Но вы не видите этого отпечатка ладони?

Чабб и Фрейзер присмотрелись. Действительно, слева от двери на мягкой почве виднелся след от руки. Судя по размеру, Фрейзер предположил, что принадлежал он мужчине. Пальцы были расставлены. Очень странно, подумал Фрейзер. Отпечаток ноги был бы куда уместнее.

– Он, скорее всего, принадлежит садовнику, – предположил Чабб. – Другое объяснение мне в голову не приходит.

– Возможно, вы правы. – Пюнд пружинисто поднялся и пошел дальше.

Дверь привела их в просторную прямоугольную комнату с лестницей прямо перед ними и двумя другими дверями, справа и слева. Фрейзер сразу увидел, где лежало тело сэра Маг-

нуса, и у него, как всегда, засосало под ложечкой. Персидский ковер тускло поблескивал, густо пропитанный кровью. Кровь щедро разлилась по плитам пола, до самого очага, окружив ножки одного из стоявших там кожаных кресел. Вся комната была насыщена ее запахом. Меч лежал по диагонали, рукоятью к лестнице, а острием указывая на оленью голову, смотревшую свысока своими стеклянными глазами. Видимо, чучело было единственным очевидцем происшедшего. Остальная часть доспехов, пустотелый рыцарь, стояла рядом с дверью в гостиную. Вместе со своим нанимателем Фрейзер посетил немало мест преступления. Нередко ему приходилось видеть там тела жертв: заколотых, застреленных, утонувших и так далее. Но он поймал себя на мысли, что в представшей здесь картине есть что-то особенно зловещее, а темные деревянные панели и галерея для менестрелей придавали ей сходство с эпохой Иакова I.

– Сэр Магнус был знаком с человеком, убившим его, – вполголоса заметил Пюнд.

– Почему вы так решили? – спросил Фрейзер.

– Исходя из расположения доспехов и планировки комнаты. – Пюнд взмахнул рукой. – Взгляните сами, Джеймс. Вход позади нас. Доспехи и меч в глубине комнаты. Если убийца вошел через парадную дверь с намерением напасть на сэра Магнуса, ему пришлось бы обойти жертву кругом, чтобы добраться до оружия. Тем временем, если дверь была открыта, сэр Магнус без труда мог сбежать. А так создается впечатление, что сэр Магнус скорее провожал гостя. Они выходят из гостиной. Сэр Магнус идет первым, убийца следом за ним. Открывая дверь, баронет не видит, что гость вытащил меч. Он поворачивается, видит, как гость приближается, и, вероятно, просит пощады. Убийца наносит удар. И мы видим ту картину, которая перед нами.

– И все-таки это мог быть чужак.

– Вы бы пригласили неизвестного человека в дом поздно вечером? Не думаю. – Пюнд pokrutil головой. – Здесь не хватает картины.

Фрейзер проследил за его взглядом и убедился, что сыщик прав. На стене рядом с дверью виднелся пустой крюк, а на деревянной панели выделялся оттенком прямоугольник, красноречиво указывающий на отсутствующее произведение искусства.

– Думаете, это важно? – спросил Фрейзер.

– Важно все, – ответил Пюнд. Он в последний раз огляделся. – Здесь больше смотреть не на что. Любопытно было бы выяснить, как именно обнаружили экономку, погибшую две недели назад, но мы к этому еще вернемся. Не пройти ли нам в гостиную?

– Разумеется, – кивнул Чабб. – Эта дверь ведет в гостиную, а кабинет сэра Магнуса находится с другой стороны. Там мы нашли письмо, которое может вас заинтересовать.

В гостиной значительно сильнее, чем в холле, ощущалась женская рука: бледно-розовый ковер, плюшевые шторы с цветочным рисунком, удобные диваны и столики под рукой. Повсюду лежали фотографии. Фрейзер взял одну. На ней были изображены три человека, стоящие вместе перед домом. Круглолицый мужчина с бородой в старомодном костюме. Женщина рядом с ним, возвышаясь над соседом на несколько дюймов, смотрела в объектив нетерпеливым взглядом. Еще там был мальчик в школьной форме, с хмурым лицом. Определенно, это была фотография семьи, пусть и не самой счастливой: сэр Магнус, леди Пай и их сын.

Дверь в дальнем конце охранял полицейский в мундире. Пройдя через нее, они оказались в комнате, центральным предметом которой был антикварный стол, расположенный между двумя книжными шкафами, и из окна напротив открывался вид на лужайку и лежащее за ней озеро. Пол был паркетным, часть деревянных панелей стены скрывалась за ковром. К центру комнаты были обращены два кресла, между ними стоял старинный глобус. Главным предметом интерьера дальней стены был камин, пепел и угли говорили о том, что в нем недавно разжигали огонь. В воздухе чувствовался слабый аромат сигарного дыма. На боковом столике Фрейзер заметил хьюмидор и тяжелую стеклянную пепельницу. Деревянные панели, как в холле, украшали еще несколько полотен маслом, висевших, видимо, тут со времени возведения самого

дома. Пюнд подошел к одной из них – изображению лошади перед конюшней, очень похоже на стиль Стаббса¹⁰. Сыщик обратил на нее внимание, потому что она висела под углом к стене, как приоткрытая дверца.

– Так и было, когда мы вошли, – заметил Чабб.

Пюнд достал из кармана ручку, подцепил ею картину и потянул на себя. Она повернулась на петлях, открыв очень прочный с виду сейф, вделанный в стену.

– Комбинацию мы не знаем, – продолжил Чабб. – Уверен, что леди назовет ее нам, когда поправится.

Пюнд кивнул и перенес внимание на стол. Скорее всего, сэр Магнус провел за ним несколько часов перед смертью, поэтому разбросанные по столешнице бумаги могли дать какой-то намек на случившееся.

– В верхнем ящике лежит пистолет, – сказал Чабб. – Старый армейский револьвер. Из него не стреляли, он не заряжен. Если верить леди Пай, ее муж обычно держал его в сейфе. Видимо, он достал его из-за ограбления.

– Или у сэра Магнуса имелись причины для тревоги. – Пюнд открыл ящик и посмотрел на оружие.

Это и в самом деле был револьвер «уэбли» тридцать восьмого калибра. И Чабб был прав – из пистолета не стреляли.

Детектив задвинул ящик и обратился к поверхности стола, начав с серии чертежей. Это были архитектурные планы, разработанные компанией под названием «Ларкин Гэдуэлл», расположенной в Бате. На них был изображен квартал жилых домов, числом двенадцать, двумя линиями по шесть в каждом. Рядом лежала кучка документов, переписка с муниципальным советом: бумажный след, призванный в результате привести к разрешению на застройку. Вскоре догадка подтвердилась: красочная брошюра с заголовком «Дингл-драйв. Саксби-на-Эйвоне». Все это занимало один угол стола. На другом стоял телефон и рядом с ним блокнот. Кто-то, скорее всего сэр Магнус, написал карандашом – сам карандаш лежал поблизости:

Эштон Х

Ро

Девочка

Эти слова были аккуратно написаны наверху страницы, но затем сэр Магнус, должно быть, разволновался. Несколько строчек размашистым сердитым почерком наезжали друг на друга. Пюнд передал страницу Фрейзеру.

– Девочка? – спросил Джеймс.

– Похоже на заметки во время телефонного разговора, – предположил Пюнд. – «Ро» может быть обозначением для чего-то. Обратите внимание, что буква «о» строчная. А вот девочка... Возможно, она была предметом разговора.

– Похоже, разговор этот не доставил ему особой радости.

– Совершенно верно.

В завершение Пюнд обратился к пустому конверту, а затем к письму, о котором, видно, и упоминал Чабб и которое лежало на середине стола. Адреса на конверте не было, только имя «сэру Магнусу Паю», написанное от руки черными чернилами. Вскрыт он был небрежно. Пюнд вытащил платок и воспользовался им, чтобы взять конверт. Он тщательно осмотрел его, потом положил и взял письмо. Отпечатанное на машинке, оно было адресовано Магнусу Паю и содержало дату 28 июля 1955 года – тот самый день, когда произошло убийство. Пюнд прочел:

Думаешь, это сойдет тебе с рук? Эта деревня стояла тут до тебя и будет стоять после, и если ты думаешь, что можешь уничтожить ее своим

¹⁰ *Джордж Стаббс* (1724–1806) – английский художник и натуралист.

строительством и наживой, то очень ошибаешься. Пораскинь мозгами, говнюк, если хочешь жить здесь. Если хочешь жить.

Подписи не было. Пюнд снова положил его на стол, чтобы Фрейзер мог прочитать.

– Кто бы его ни написал, у него проблемы со словом «строительство», – заметил молодой человек.

– А еще он может быть кровожадным маньяком, – вполголоса добавил Пюнд. – Это письмо должно было прийти вчера. Сэра Магнуса убили спустя несколько часов после того, как оно было доставлено, – все, как тут обещано. – Он повернулся к полицейскому инспектору. – Насколько понимаю, чертежи имеют отношение к этому делу.

– Верно, – согласился Чабб. – Я звонил этим ребятам из «Ларкин Гэдуэлл». Это застройщики из Бата, и у них, надо полагать, состоялась некая сделка с сэром Магнусом. Я собирался навестить их сегодня после обеда. Если хотите, едемте со мной.

– Вы очень любезны, – кивнул Пюнд. Его внимание по-прежнему было сосредоточено на письме. – Есть здесь нечто, что я нахожу немного странным.

– Думаю, тут я вас опередил, Пюнд. – Следователь просиял, довольный собой. – Надпись на конверте сделана от руки, тогда как письмо отпечатано на машинке. Стоит счесть это серьезным проколом со стороны отправителя, если он или она намеревались остаться неизвестными. Мое предположение таково: он сначала запечатал письмо, потом сообразил, что забыл указать адресата, а всунуть конверт в машинку уже не получится. Со мной самим такое частенько происходит.

– Вполне вероятно, что вы правы, инспектор. Но я обратил внимание не на эту странность.

Чабб ждал продолжения, но стоявший по другую сторону стола Фрейзер знал, что это напрасная надежда. Так и оказалось. Пюнд уже переключил внимание на камин. Снова достав из кармана ручку, он покопался в пепле, нашел что-то и аккуратно отделил от кучки. Подойдя, Фрейзер увидел клочок бумаги, размером с сигаретную карточку, обгоревший по краям. Такие моменты в работе с Пюндом Джеймс очень ценил. Чаббу даже в голову не пришло осмотреть очаг. Полицейский обычно окидывал комнату беглым взглядом, вызывал судебных экспертов и шел заниматься своими делами. А тут вам ключ, причем такой, что может широко распахнуть дверь к разгадке. На клочке может оказаться имя. И даже несколько букв могут дать образец почерка, по которому удастся установить человека, побывавшего в комнате. К сожалению, в данном случае обрывок бумаги оказался совершенно чистым. Но Пюнда это, похоже, вовсе не обескуражило, напротив.

– Взгляните-ка, Фрейзер! – воскликнул сыщик. – Вот тут есть слегка выцветшее пятно. И мне кажется, можно рассмотреть по крайней мере часть отпечатка пальца.

– Отпечаток пальца? – Услышав эти слова, Чабб подошел ближе.

Фрейзер взгляделся пристальнее и убедился, что Пюнд прав. Пятно было темно-коричневого цвета, и первое, о чем подумал Джеймс, что это пролитый кофе. В то же время он не понимал, какое отношение к делу может иметь находка. Кто угодно мог разорвать лист бумаги и бросить в огонь. Допустим, сам сэр Магнус.

– Передам его в лабораторию, чтобы изучили, – сказал Чабб. – Заодно и письмо пусть посмотрят. Все-таки нельзя сбрасывать со счетов возможность, что я пришел к слишком поспешным выводам насчет того взломщика.

Пюнд кивнул и выпрямился.

– Нам понадобится жилье, – заявил он вдруг.

– Вы планируете остаться?

– Если позволите, инспектор.

– Ну еще бы. Полагаю, в «Гербе королевы» можно разместиться. Это паб рядом с церковью, но у них есть и комнаты на ночь. Если предпочитаете гостиницу, то вам в Бат.

– Мне удобнее оставаться в деревне, – ответил Пюнд.

Фрейзер вздохнул про себя, представив горбатые кровати, уродливую мебель и плюющиеся краны, являющиеся неотъемлемой чертой местечкового гостеприимства. Своих денег, помимо жалованья от Пюнда, довольно скромного, у Фрейзера не было, что не мешало ему иметь дорогие привычки.

– Хотите, чтобы я заказал? – спросил молодой человек.

– Мы можем пойти туда вместе, – ответил сыщик и повернулся к Чаббу. – Когда вы едете в Бат?

– Встреча в «Ларкин Гэдуэлл» назначена на два часа, а прямо оттуда мы можем заехать в больницу и повидать леди Пай.

– Превосходно, инспектор. Обязан заявить, что для меня величайшее удовольствие снова работать с вами.

– Взаимно. Рад видеть вас, герр Пюнд. Обезглавленные трупы и все такое! Как только раздался звонок, я понял, что это дело как раз по вашей части.

Закурив очередную сигарету, Чабб направился к машине.

2

К досаде Фрейзера, в «Гербе королевы» нашлись две свободные комнаты, и Пюнд, даже не поднявшись наверх, чтобы посмотреть их, снял обе. Они оказались именно такими, как предполагал Джеймс: с неровным полом и окошками слишком маленькими в пропорции к стенам, в которых они были проделаны. Комната Фрейзера выходила на деревенскую площадь. У Пюнда – на кладбище, но он не жаловался. Напротив, этот вид даже заставил его оживиться. И на недостаток удобств он тоже не жаловался. Едва приступив к работе в Таннер-Корте, Фрейзер, к своему удивлению, обнаружил, что детектив спит на простой кровати, скорее кушетке с железной рамой, аккуратно застеленной одеялами. Хотя в прошлом Пюнд был женат, о жене он никогда не распространялся и не выказывал дальнейшего интереса к слабому полу. Но даже при этом подобный аскетизм в дорогой лондонской квартире выглядел изрядным чудачеством.

Они пообедали вместе внизу, потом вышли на улицу. На площади на автобусной остановке собралась небольшая толпа, но у Фрейзера сложилось впечатление, что эти люди ждут не автобус. Их явно что-то привлекло. Они оживленно переговаривались. Джеймс не сомневался, что Пюнд захочет подойти и разузнать, в чем дело, но тут на кладбище появилась фигура, идущая в их сторону. Это был викарий, об этом безошибочно говорили священническая рубашка и воротник-ошейник. Он был высоким и тощим, с нечесаными черными волосами. Фрейзер видел, как священник взял прислоненный к воротам велосипед и повел его к дороге. Колеса громко скрипели при каждом обороте.

– Викарий! – воскликнул Пюнд. – В английской деревне это человек, который всех знает.

– Не все ходят в церковь, – возразил Фрейзер.

– Не важно. Священник считает своим долгом знать даже атеистов и агностиков.

Они направились вперед и перехватили викария, прежде чем тот успел уехать. Пюнд представился.

– Ах да! – воскликнул викарий, моргая от яркого солнца. – Это имя мне знакомо, уверен. Сыщик? Разумеется, вы здесь из-за сэра Магнуса Пая. Какое ужасное происшествие! Маленькая община вроде Саксби-на-Эйвоне ни при каких обстоятельствах не готова к подобному событию, и нам будет очень тяжело сжитья с ним. Но прошу меня извинить, я не назвался: Робин Осборн. Я викарий здешней церкви Святого Ботольфа. Впрочем, вы, наверное, и сами это выяснили, учитывая ваше ремесло!

Он рассмеялся, и Пюнду пришло в голову – это пришло в голову даже Фрейзеру, – что священник – человек очень нервный и ему не под силу замолчать. Слова изливались из него в попытке скрыть то, что на самом деле у него на уме.

– Как понимаю, вы неплохо знали сэра Магнуса, – сказал Пюнд.

– Более или менее. Да. К несчастью, мы встречались с ним реже, чем мне хотелось бы. Не очень набожный человек. Он не часто посещал службы. – Осборн запрыгнул на велосипед. – Вы здесь, чтобы расследовать преступление, мистер Пюнд?

Тот ответил, что приехал именно ради этого.

– Я несколько удивлен, что нашей полиции понадобилась помощь со стороны. Это не означает, конечно, что вам здесь не рады. Сегодня утром я уже разговаривал с инспектором Чаббом. Он высказал предположение, что это мог быть взломщик. Грабители. Вам ведь, разумеется, известно, что недавно Пай-Холл обокрали?

– Похоже, Пай-Холлу выпала более чем средняя порция несчастий.

– Вы имеете в виду смерть Мэри Блэкистон? – уточнил Осборн. – Она упокоилась здесь. Я лично вел погребальную службу.

– Сэра Магнуса любили в деревне?

Вопрос застиг викария врасплох, и ему никак не удавалось подобрать верный ответ.

– Были такие, кто завидовал ему. Он обладал значительным богатством. Ну, была еще, конечно, проблема Дингл-Делла. Следует признать, что она вызывала большое недовольство.

– Дингл-Делл?

– Это полоса леса. Он продал ее.

– Фирме «Ларкин Гэдуэлл»? – вмешался Фрейзер.

– Да. Это застройщики, насколько мне известно.

– Мистер Осборн, вас удивит, если я скажу, что прямым следствием намерений сэра Магнуса стала письменная угроза убить его?

– Угроза убить? – Викарий смеялся еще сильнее. – Меня бы это очень удивило. Уверен, что никто в округе не мог послать такое. Это очень мирная деревня. Здешний народ не приветствует подобное.

– Тем не менее вы упомянули о большом недовольстве.

– Люди негодовали. Но это не одно и то же, что убить.

– Когда вы в последний раз видели сэра Магнуса?

Робину Осборну не терпелось отправиться в путь. В велосипед он вцепился так, словно это был зверь, рвущийся с привязи. И последний вопрос его оскорбил. Это было видно по его глазам. Его что, в чем-то подозревают?

– Я встречался с ним довольно давно, – ответил он. – Он не смог присутствовать на похоронах Мэри Блэкистон – очень жаль, но сэр Магнус находился в это время на юге Франции. А до этого я сам был в отъезде.

– Где?

– В отпуске. С женой. – Пюнд выжидал подробностей, и Осборн не замедлил заполнить паузу: – Мы провели вместе неделю в Девоншире. Вообще-то, она меня уже давно ждет, так что, с вашего позволения...

Кисло улыбнувшись, викарий проехал между ними, шестерни велосипеда отчаянно скрипели.

– Я бы сказал, что он по какой-то причине нервничает, – вполголоса заметил Фрейзер.

– Да, Джеймс. Определенно, это человек, которому есть что скрывать.

По мере того как сыщик и его помощник шли к машине, Робин Осборн изо всех сил гнал велосипед по направлению к дому. Он понимал, что не был до конца честен: пусть не солгал, но

утаил часть правды. Но хотя бы утверждение, что Генриетта давно ждет его, соответствовало истине.

– Где тебя носило? – спросила она, когда муж занял место на кухне. Она поставила на стол перед ним собственной выпечки открытый пирог и салат с фасолью.

– Э... просто был в деревне. – Осборн вознес немую молитву. – Я встретил того сыщика, – продолжил он, едва успев произнести «аминь». – Аттикуса Пюнда.

– А кто это такой?

– Ты наверняка о нем слышала. Он настоящая знаменитость. Частный детектив. Помнишь ту школу в Мальборо? Там был учитель, которого убили во время спектакля? Пюнд расследовал это дело.

– Но зачем нам нужен частный детектив? Я думала, что это был грабитель.

– Похоже, полиция могла допустить ошибку. – Осборн помедлил. – Сыщик полагает, что дело может быть как-то связано с Деллом.

– С Деллом?

– Так он думает.

Они ели молча. Никому еда не доставила особого удовольствия. Потом Генриетта неожиданно нарушила молчание.

– Куда ты ходил вчера ночью, Робин? – спросила она.

– Что?

– Ты знаешь, о чем я. Сэр Магнус был убит.

– Ей-богу, я-то тут при чем? – Осборн отложил нож и вилку и выпил глоток воды. – Я почувствовал гнев, – пояснил он. – Это один из смертных грехов. И были в моем сердце помыслы... которым там не место. Я разозлился из-за новостей, но это меня не оправдывает. Мне требовалось побыть одному, поэтому я отправился в церковь.

– Но тебя не было так долго.

– Для меня это оказалось нелегко, Генриетта. Понадобилось время.

Поначалу она не хотела говорить, потом передумала.

– Робин, я так за тебя волновалась. Ходила искать тебя. По правде говоря, я столкнулась с Brentom, и тот сказал, что видел, как кто-то пробирается к Пай-Холлу...

– На что ты намекаешь, Хен? Неужели ты думаешь, что я пошел в Пай-Холл и убил сэра Магнуса? Отрубил ему голову мечом? Ты это хочешь сказать?

– Нет, конечно нет. Просто ты был так зол.

– Это просто смешно. Я даже близко не подходил к усадьбе. И ничего не видел.

Было еще кое-что, о чем Генриетте хотелось сказать. О кровавом пятне на рукаве мужа. Она видела его собственными глазами. На следующее утро она взяла рубашку и прокипятитла ее с отбеливателем. Теперь рубашка висела на веревке и сушилась на солнышке. Генриетте хотелось знать, чья это кровь и как она попала на одежду. Но она не осмелилась. Она не могла обвинить его. Такой поступок был немыслимым.

С остатком обеда они покончили в молчании.

3

Джонни Уайтхед сидел в отреставрированном капитанском кресле с изогнутой спинкой и вращающимся сиденьем и тоже размышлял насчет убийства. По правде говоря, он тем утром только этим и занимался, пока, как слон в посудной лавке, топал среди своего фарфора, бесцельно переставляя предметы и не выпуская сигареты изо рта. Когда он свалил и разбил престлную суповую тарелку работы мейсенских мастеров, которая, хоть и будучи со сколом, была выставлена за девять шиллингов и шесть пенсов, Джемма Уайтхед потеряла наконец терпение.

– Что с тобой случилось? – осведомилась она. – Ты сегодня как медведь после зимней спячки. И это уже четвертая сигарета. Почему бы тебе не пойти на улицу, глотнуть свежего воздуха?

– Не хочу я выходить, – буркнул Джонни.

– Что стряслось?

Джонни затушил окуроч в пепельнице от «Ройял Далтон» в форме коровы, оцененной в шесть шиллингов.

– А ты как думаешь?! – рявкнул он.

– Не знаю. Потому и спрашиваю.

– Сэр Магнус Пай, вот что стряслось! – Он посмотрел на дым, все еще поднимающийся витками от окурка. – Зачем кому-то понадобилось пойти и убить его? Теперь у нас в деревне полицейские, стучатся в двери и задают вопросы. Скоро и до нас доберутся.

– И что с того? Пусть спрашивают о чем угодно. – Последовала пауза, достаточно продолжительная, чтобы не остаться незамеченной. – Разве не так?

– Так, конечно. Пусть спрашивают.

Джемма впиалась в мужа взглядом:

– Ты ведь ни в чем не замешан, правда, Джонни?

– К чему ты клонишь? – В его голосе прозвучала обида. – Даже спрашивать об этом не стоит! Разумеется, я ни в чем не замешан. Да и во что можно вляпаться в этой глуши?

Это был старый их спор: город против села, Саксби против всего остального на свете. Но, даже произнося эти слова, Джонни не мог забыть, как Мэри Блэкистон приперла его к стенке в этом самом доме, как много было ей известно о нем. Она и сэр Магнус внезапно умерли, с промежутком в две недели. Это не совпадение, и полиция наверняка придет к такому же выводу. Уайтхед знал, как работают полицейские. Сотрудники уже роются в досье, проверяя всех, живущих по соседству. Немного пройдет времени, прежде чем за ним придут.

Джемма подошла, села рядом с мужем и положила руку ему на плечо. Хотя в сравнении с ним она казалась миниатюрной и хрупкой, в их семье сильной была она, и оба это знали. Она стояла рядом, когда у них были неприятности в Лондоне. Она писала письма, полные оптимизма и доброго юмора, пока он был «в отъезде». А когда Джонни наконец вернулся, именно Джемма приняла решение, приведшее их в Саксби-на-Эйвоне. Она увидела в журнале рекламу антикварного магазина, и у нее родилась идея, как дать Джонни возможность использовать часть навыков из прежней жизни и при этом заложить надежный, честный фундамент для новой.

Покинуть Лондон было нелегко, особенно для человека, прожившего всю свою жизнь в пределах слышимости «колоколов»¹¹, но Джонни увидел в этом предложении смысл и смирился с ним. Но Джемма знала, что переезд дорого дался ее мужу. Шумный, веселый, вспыльчивый и открытый Джонни Уайтхед так и не освоился до конца в общине, где все постоянно на виду и где общественное осуждение означает полный остракизм. Не ошиблась ли она, пригласив его сюда? Она позволяла ему время от времени съездить в город, хотя всякий раз жутко переживала. Джемма никогда не допытывалась, что он там делает, а сам он не рассказывал. Но в этот раз все иначе. Джонни был в столице всего несколько дней назад. Может ли это быть как-то связано с тем, что произошло?

– Чем ты занимался в Лондоне? – спросила она.

– А тебе-то что?

– Просто интересно.

– Повидался с приятелями, Дерек и Колин. Мы пообедали, пропустили по стаканчику. Тебе следовало поехать со мной.

¹¹ Так жители английской столицы называют в обиходе звон колоколов лондонской церкви Сент-Мэри-ле-Боу.

– Ты сам этого не хотел.

– Ребята спрашивали о тебе. Я прошел мимо нашего старого дома. Там теперь квартиры. Знаешь, о чем я подумал? Что мы были очень счастливы там, ты и я. – Джонни похлопал ее по тыльной стороне ладони, обратив внимание, как истончилась эта ладонь. Создавалось впечатление, что чем старше Джемма становится, тем меньше ее остается.

– С меня Лондона на мой век хватило, Джонни. – Она убрала руку. – Что до Дерека и Колина, то они никогда не были тебе друзьями. Когда дело приняло скверный оборот, не они поддерживали тебя, а я.

Джонни насупился.

– Ты права, – вздохнул он. – Пойду-ка я прогуляюсь. С полчасика. Проветрю мозги.

– Я пойду с тобой, если хочешь.

– Нет. Ты лучше пригляди за магазином.

С самого открытия утром в лавку никто не зашел. Вот еще одно последствие убийства – оно отпугивает туристов.

Джемма смотрела, как муж уходит, услышала, как привычно звякнул колокольчик на двери. Она полагала, что они поступили правильно, приехав сюда и оставив позади прежнюю жизнь. Не важно, что говорил тогда Джонни: решение было верным. Но две смерти, одна в скорой последовательности за другой, все изменили. Казалось, будто тени из прошлого вытянулись и нашли их.

Мэри Блэкистон была здесь. Впервые за долгое-долгое время экономка пришла в магазин, а Джонни, будучи спрошен в лоб, солгал об этом. Он сказал, будто женщина собиралась что-то купить, но Джемма знала, что это неправда. Будь Мэри нужен подарок, она отправилась бы в Бат: в «Вулворт» или в «Бутс-кемист». И меньше чем через неделю она погибла. Существует ли связь между двумя этими событиями? И если так, есть ли следующее звено, ведущее к смерти сэра Магнуса Пая?

Джемма Уайтхед перебралась в Саксби-на-Эйвоне из расчета, что тут безопаснее. Но, сидя в затхлом магазинчике в окружении сотен бесполезных вещей и побрякушек, которые никому не нужны и которые, по меньшей мере сегодня, никто не придет покупать, Джемма всей душой хотела, чтобы они с Джонни оказались где угодно, только не здесь.

4

Каждый из обитателей деревни был уверен, что знает, кто убил сэра Магнуса Пая. К сожалению, среди всех их теорий не нашлось бы и двух совпадающих.

Было хорошо известно, что сэр Магнус и леди Пай не ладили. Их редко видели вместе. Если им случалось посетить церковь, они располагались поодаль друг от друга. Если верить хозяину «Паромщика» Гарету Кайту, сэр Магнус спал со своей эконожкой Мэри Блэкистон. Вот леди Пай и убила обоих. Хотя каким образом ей удалось подстроить первую смерть, будучи на отдыхе во Франции, объяснить он не braлся.

Нет-нет. Это Роберт Блэкистон убийца. Разве не угрожал он матери буквально накануне ее гибели? Сделал он это, потому что злился на нее, а сэра Магнуса ему пришлось убрать, когда тот каким-то образом узнал правду. Был еще Брент. Смотритель жил один. И был определенно с приветом. Ходили слухи, что сэр Магнус уволил его в тот самый день, когда был убит. А как насчет неизвестного, пришедшего на похороны? Никто не станет надевать такую шляпу, разве что из желания скрыть лицо. Даже Джой Сандерлинг, милая девушка, работающая у доктора Редвинг, и та угодила под подозрение. Странное объявление, размещенное ею на доске рядом с автобусной остановкой, бесспорно указывало на то, что в ней кроется нечто большее, чем видно на первый взгляд. Мэри Блэкистон была настроена против нее. И умерла. Сэр Магнус Пай проник в суть дела. И тоже умер.

А тут еще уничтожение Дингл-Делла. Хотя полиция не обнародовала подробностей обнаруженного на столе у сэра Магнуса письма с угрозами, все прекрасно знали, какое возмущение вызвала идея грядущей застройки. Чем дольше прожил человек в деревне, тем сильнее должен быть его гнев. Исходя из этой посылки, старый Джефф Уивер, которому стукнуло восемьдесят три и который присматривал за церковным кладбищем столько, сколько его помнили, оказывался подозреваемым номер один. Викарию тоже было что терять: его дом располагался прямо по соседству с местом предполагаемой стройки, а все давно подметили, как преподобному и миссис Осборн нравится затеряться в лесу.

Любопытно, что единственной жительницей, у которой имелись все причины убить сэра Магнуса, но чье имя никогда не упоминалось, была Кларисса Пай. Обедневшую сестру то не замечали, то унижали, но никому из деревенских даже в голову не пришло заподозрить в ней убийцу. Вероятно, причина крылась в том, что Кларисса была женщиной одинокой и притом набожной. Возможно, сыграла роль ее приметная внешность. Крашенные волосы были видны за пятьдесят ярдов. Также она перебарщивала со шляпками, с поддельной бижутерией, с нарядами, некогда претендовавшими на моду, тогда как скромная одежда шла бы ей куда больше. Физические данные тоже говорили против нее: не толстушка, не мужеподобная, не коротышка, она находилась тем не менее в опасной близости ко всем этим трем эпитетам. Короче говоря, Кларисса считалась в Саксби-на-Эйвоне чем-то вроде посмешища, а посмешища убийств не совершают.

Сидя у себя дома на Уинсли-Террас, Кларисса старалась не думать о случившемся. В течение последнего часа она была с головой погружена в разгадывание кроссворда в «Дейли телеграф», хотя в обычные дни ей хватило бы половины этого времени. Одно задание оказалось для нее особенно сложным:

16. Сетует немало против Бобби.

Загадано было слово из восьми букв, вторая «о», четвертая «и». Кларисса понимала, что ответ лежит прямо на поверхности, но каким-то образом не дается ей. Кроется разгадка в синониме слова «сетует» или это какая-то знаменитость по имени Бобби? Едва ли. Кроссворды в «Дейли телеграф» редко касались знаменитостей, разве что классиков – писателей или художников. В таком случае может ли «Бобби» иметь какое-то иное значение, ускользающее от нее? Она погрызла немного ручку «Паркер джоттер», с которой всегда решала кроссворды. И тут Клариссу осенило. Ответ был таким очевидным и находился прямо перед ней все это время! «Сетует немало против...» «Против» указывает на анаграмму. А Бобби?

Допустим, с заглавной «Б» получилось несколько нечестно. Кларисса подставила недостающие буквы: «Полисмен»¹². Разумеется, это навело ее на мысль про Магнуса, про полицейские машины в деревне и патрульных, которые прямо сейчас еще находятся в Пай-Холле. Что станет с домом теперь, после смерти брата? Скорее всего, Фрэнсис продолжит жить в нем. Продать она его не вправе. Так гласил майоратный порядок – сложный документ, многие века определяющий владение Пай-Холлом. Поместье отойдет теперь к Фредди, ее племяннику, следующему в роду. Парнишке всего пятнадцать, и когда Кларисса последний раз встречалась с ним, он оставил у нее впечатление юноши неглубокого и высокомерного, в точности как его отец. И вот теперь он стал миллионером!

Конечно, если он и его мать умрут – погибнут в ужасной автомобильной аварии, к примеру, – то собственность, хотя и без титула, перейдет по боковой линии. Любопытная мысль. Едва ли реальная, но любопытная. По правде говоря, нет причин исключать такую возможность. Сначала Мэри Блэкистон, затем сэр Магнус Пай. А дальше...

¹² Английских полицейских называют «бобби» в честь министра внутренних дел Роберта Пиля, основавшего службу столичной полиции в 1829 году.

Услышав звук поворачивающегося в замке парадной двери ключа, Кларисса быстро свернула газету и отложила ее в сторону. Ей не хотелось, чтобы кто-то подумал, будто она убивает время и ей нечем заняться. Она уже поднялась и шла в кухню, когда на пороге появилась Дайана Уивер, жена Адама Уивера, выполнявшая по деревне разные работы и помогавшая в церкви. Дайана была женщиной средних лет, деловитая и приветливая. Она работала уборщицей: два часа в день в лечебнице, а остальное ее время было расписано между различными домами в Саксби-на-Эйвоне. Раз в неделю после полудня она появлялась здесь. Глядя, как Уивер возится с огромным пластиковым пакетом, который всегда таскала с собой, и расстегивает плащ, излишний в столь теплую погоду, Кларисса поймала себя на мысли, что именно так и должна выглядеть настоящая уборщица, то есть женщина, вполне подходящая и даже необходимая для такой работы. Как мог Магнус причислить ее, свою сестру, к этой категории? Говорил ли он всерьез или просто хотел ее обидеть? Клариссу не огорчало, что брат умер. Совсем напротив.

– Добрый день, миссис Уивер, – сказала она.

– Здравствуйте, мисс Пай.

Кларисса сразу уловила неладное. Уборщица была подавлена и явно нервничала.

– В свободной спальне есть кое-что для глажки. И я купила новую бутылку «Аякса». – Кларисса перешла сразу к делу. Не в ее привычках было вступать в беседы, и это не было только вопросом статуса – ей едва по карману было позволить себе оплатить эти два часа в неделю, и она не собиралась растрачивать их на досужие разговоры.

Однако, сняв плащ, миссис Уивер не тронулась с места и не выказывала рвения приступить к работе.

– Что-то случилось? – осведомилась Кларисса.

– Ну... это происшествие в большом доме...

– С моим братом.

– Да, мисс Пай.

Уборщица волновалась явно сильнее, чем следовало от нее ожидать. Она не работала в усадьбе, да и с Магнусом разговаривала, скорее всего, пару раз в жизни.

– Жуткое это событие, – продолжила Дайана. – Для деревни вроде нашей. Я хочу сказать, с людьми всякое случается. Я тут сорок лет живу, но такого никогда не видала. Сначала бедняжка Мэри. А теперь вот это.

– Я как раз сама об этом думала, – согласилась Кларисса. – Такое горе. Мы с братом никогда не были близки, но все равно это кровь...

Кровь.

Она вздрогнула. Знал ли он, что его ждет смерть?

– И теперь тут повсюду полиция, – гнула свое Дайана Уивер. – Задает вопросы и никому не дает покоя.

Так вот что ее беспокоит: полиция?

– Как думаете, полицейские догадываются, кто это сделал? – спросила уборщица.

– Едва ли. Убийство произошло только вчера ночью.

– Я не сомневаюсь, что они должны были обыскать дом. Мой Адам говорит... – Дайана помедлила, не уверенная, стоит ли упоминать об этом. – Он говорит, что кто-то срубил ему голову с плеч.

– Да, я слышала.

– Такая жуть!

– Это действительно очень пугающе. Вы в состоянии работать сегодня или лучше пойдете домой?

– Нет-нет. Я уж лучше займу себя делом.

Уборщица направилась в кухню. Кларисса посмотрела на часы. Миссис Уивер приступила к исполнению обязанностей с опозданием на две минуты. Нужно проследить, чтобы она отработала положенное время, прежде чем уйти.

5

Встреча в «Ларкин Гэдуэлл» не пролила особого света. Аттикусу Пюнду показали рекламный буклет будущей застройки: весь в акварельных картинках, с изображением улыбающихся семей. Нарисованные мазками люди напоминали скорее духов, плывущих через обретенный новый рай. Проект прошел утверждение. Начало строительства намечено на следующую весну. Филип Гэдуэлл, старший партнер фирмы, стоял на том, что Дингл-Делл представляет собой ничем не примечательный участок леса, а новостройки облагородят пейзаж.

– В совете преобладает мнение, что мы возрождаем наши деревни, – сказал он. – Если мы хотим, чтобы они жили, местным семьям нужны новые дома.

Чабб слушал все это молча. Ему подумалось, что изображенные в буклете семьи в чистенькой одежде и на новеньких машинах уж как-то совсем не похожи на местные. Инспектор обрадовался, когда Пюнд объявил, что не имеет больше вопросов, и они снова вышли на улицу.

Получилось так, что Фрэнсис Пай уже выписалась из больницы и настояла на возвращении домой. Так что трое мужчин, Пюнд, Фрейзер и Чабб, сразу отправились в усадьбу. Ко времени их прибытия полицейские машины уже разъехались от Пай-Холла. Проезжая мимо гостевого дома и далее по гравийной дорожке, Пюнд поразился тому, какой обыденный вид имеет усадьба в свете уже скрывающегося за деревьями вечернего солнца.

– Здесь, должно быть, жила Мэри Блэкстон, – сказал Фрейзер, указывая на безмолвный Лодж-хаус.

– Причем прежде с двумя сыновьями, Робертом и Томом, – заметил Пюнд. – Не будем забывать, что младший из детей тоже погиб. – Он смотрел в окно, и лицо его вдруг помрачнело. – Этому месту довелось повидать много смертей.

Они подкатили к дому. Чабб опередил их и уже ждал у парадной двери. Место с отпечатком ладони было отгорожено квадратиком обвисшей полицейской ленты, и Фрейзер размышлял, принадлежит ли след садовнику Бренту или оставлен кем-то еще? Они прошли внутрь. Там кто-то хорошо поработал. Персидский ковер убрали, пол вымыли. Набор доспехов тоже исчез. По идее, полиция могла ограничиться мечом – как никак это орудие преступления, – но остальная часть доспехов служила слишком острым напоминанием о случившемся. Дом обволакивала тишина. Не было никаких признаков присутствия леди Пай. Чабб медлил, не зная, как поступить.

А потом открылась дверь и из гостиной вышел мужчина, лет под сорок, с черными волосами и усами, в синем свитере с планкой на переднем кармане. Шел он вальяжно, одну руку сунув в карман, а в другой держа сигарету. Фрейзеру сразу подумалось, что этот человек из тех, к кому легко сразу проникнуться неприязнью. Причем он не просто порождает эту неприязнь, но и, похоже, тщательно культивирует.

Неизвестный удивился, увидев в холле троих посетителей, и не пытался скрыть это.

– Вы кто такие? – резко спросил он.

– Хочу задать вам тот же вопрос, – парировал Чабб, мигом ошетилившись. – Я из полиции.

– Ох! – Мужчина сник. – Ну, я друг Фрэнсис... леди Пай. Приехал из Лондона, чтобы ее поддержать: трудный час и все такое. Мое имя Дартфорд. Джек Дартфорд. – Он робко протянул руку, потом убрал. – Она очень переживает, знаете ли.

– Еще бы. – Пюнд выступил вперед. – Разрешите полюбопытствовать, мистер Дартфорд: как вы узнали новости?

– Насчет Магнуса? Фрэнсис мне позвонила.

– Сегодня?

– Нет. Вчера ночью. Сразу после того, как вызвала полицию. Она была в настоящей истерике. Мне следовало бы приехать сразу, но час был поздний, чтобы пускаться в путь, и на утро у меня назначена была встреча. Так что я обещал ей приехать к обеду, что и сделал. Забрал ее из больницы и привез сюда. Кстати, с ней ее сын Фредди. Он живет с друзьями на южном берегу.

– Вы не возражаете, если я спрошу, почему из всех своих друзей в трудный час она выбрала именно вас?

– Ну это достаточно легко объяснить, мистер...

– Пюнд.

– Пюнд? Немецкое имя. Да и говорите вы с акцентом. Что вы тут делаете?

– Мистер Пюнд помогает нам, – отрезал Чабб.

– А, ну хорошо. Так о чем вы спрашивали? Почему она позвонила мне?

Было очевидно, что при внешней бравате Джек Дартфорд лихорадочно подыскивает безопасный ответ.

– Я думаю, это произошло потому, что мы с Фрэнсис в тот день пообедали вместе. На самом деле я проводил ее до станции и посадил на поезд в Бат. Поэтому был первым, кто пришел ей в голову.

– Леди Пай была с вами в Лондоне в день убийства? – спросил Пюнд.

– Да. – Дартфорд вздохнул, как бы сожалея, что сболтнул лишнее. – У нас состоялся деловой обед. Я давал ей советы насчет акций и паев, инвестиций и всего такого.

– И чем вы занимались после обеда, мистер Дартфорд?

– Я ведь только что сказал, что...

– Вы сказали, что проводили леди Пай на станцию. Но нам известно, что она вернулась в Бат с поздним вечерним поездом. И до дома добралась примерно в половине десятого. Отсюда я делаю вывод, что вторую половину дня вы провели вместе.

– Да. Провели. – Дартфорд чувствовал себя все более не в своей тарелке. – Убили какое-то время. – Он подумал немного. – Ходили в галерею. В Королевскую академию.

– Что видели?

– Так, картины разные. Скучота.

– Леди Пай утверждает, что ходила по магазинам.

– Ну, по магазинам мы тоже прошлись. Правда, она ничего не купила... По крайней мере, насколько я помню. У нее не было настроения.

– С вашего позволения, у меня остался к вам только один вопрос, мистер Дартфорд. Вы сказали, что являетесь другом леди Пай. Могли бы вы характеризовать себя также как друга покойного сэра Магнуса Пая?

– Нет. Едва ли. Я хочу сказать, что мы были знакомы, конечно. Мне он вполне нравился. Довольно-таки приличного сорта малый. Но мы с Фрэнсис играли вместе в теннис. Так мы и повстречались. Поэтому мне чаще доводилось видеться с ней, чем с ним. Но он не имел ничего против, хотя и никогда особо не тяготел к спорту. Вот и все.

– Где леди Пай? – спросил Чабб.

– В своей комнате наверху. В постели.

– Она спит?

– Не думаю. По крайней мере, она не спала, когда я заглядывал к ней несколько минут назад.

– В таком случае нам хотелось бы повидаться с ней.

– Сейчас? – Ответ Дартфорд прочитал по непреклонному лицу детектива. – Ну хорошо, я провожу вас наверх.

6

Фрэнсис Пай лежала в постели, завернувшись в халат и наполовину утонув в волне скомканных простыней. Она пила шампанское. На столике рядом стоял полупустой бокал, наклоненная бутылка выглядывала из ведерка со льдом. Заливает горе или празднует? На взгляд Фрейзера, это могло быть как то, так и другое, и по выражению ее лица было трудно что-либо понять. Леди Пай была раздосадована визитом, но в то же время ожидала его. Она не хотела говорить, но уже приготовилась отвечать на вопросы, которые ей неизбежно зададут.

В комнате она находилась не одна. В кресле развалился, закинув ногу на ногу, подросток, одетый в белое, как для игры в крикет. Юноша явно приходился ей сыном: у него были такие же темные волосы, зачесанные на лоб, и такой же надменный взгляд. Он грыз яблоко. Ни мать, ни сын не выглядели особо опечаленными недавним событием. Она с равным успехом могла слечь в постель с гриппом, и сын заглянул навестить ее.

– Фрэнсис... – начал Джек Дартфорд, представляя гостей. – Это инспектор Чабб. Он из полиции Бата.

– Мы встречались с вами в ночь, когда это произошло, – напомнил Чабб. – Я был здесь, когда вас увезли на «скорой».

– Ах да... – Голос был хриловатый, безразличный.

– А это мистер Понд.

– Понд. – Сыщик кивнул, здороваясь. – Я помогаю полиции. Это мой помощник Джеймс Фрейзер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.